

В.И. АКСЕЛЬРОД
А.А. СУТОРОВСКАЯ

УЛИЦА РУБИНШТЕЙНА И ВОКРУГ НЕЕ

Washington Post
включила улицу
Рубинштейна
в десятку
лучших стрит-
пространств
Европы

ГРАФСКИЙ И ШЕРБАКОВ
ПЕРЕУЛКИ

**Алена Алексеевна Манькова-
Сугоровская
Владимир Ильич Аксельрод
Улица Рубинштейна и
вокруг нее. Графский
и Щербаков переулки
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67068606

Улица Рубинштейна и вокруг нее. Графский и Щербаков переулки:

Центрполиграф; Москва; 2021

ISBN 978-5-227-09600-5

Аннотация

Эта книга – продолжение серии своеобразных путеводителей по улицам, площадям и набережным Петербурга. Сегодня речь пойдет об улице Рубинштейна и примыкающих к ней Графском и Щербаковом переулках. Публикации, посвященные им, не многочисленны, между тем их история очень интересна и связана с многими поколениями петербуржцев, принадлежавших к разным сословиям, национальностям и профессиям, живших, служивших или бывавших здесь: военных и чиновников, купцов

и мешан, литераторов и артистов, художников и архитекторов... Перед вами пройдут истории судеб более двухсот пятидесяти известных людей, а авторы попытаются раскрыть тайны, которые хранят местные дома. Возникновение этой небольшой улицы, протянувшейся на 700 метров от Невского проспекта до пересечения с Загородным проспектом и улицей Ломоносова, относится еще ко времени императрицы Анны Иоанновны! На рубеже веков улица Рубинштейна была и остается одним из центров театральной и музыкальной жизни Северной столицы. Сегодня улица продолжает жить и развиваться, прогуливаясь по ней, мы как будто вместе с вами оказываемся в европейском городе с разной архитектурой и кухнями многих стран.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
От Невского проспекта до Графского переулка	33
Нечетная сторона	33
Дом № 1/43	33
Дом № 3	57
Дом № 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**В.И. Аксельрод, А.А.
Манькова-Сугоровская
Улица Рубинштейна и
вокруг нее. Графский
и Щербаков переулки**

© Манькова-Сугоровская А.А., Аксельрод В.И., 2021

© «Центрполиграф», 2021

* * *

Предисловие

Эта книга – продолжение серии своеобразных путеводителей по улицам, площадям и набережным Петербурга, изданных в последние годы издательством «Центрполиграф». В их числе и те, что посвящены Владимирскому и Загородному проспектам, набережной Фонтанки¹. В этом пространстве образовалась своего рода лагуна: улица Рубинштейна и примыкающие к ней Графский и Щербаков переулки. Публикации, посвященные им, не столь многочисленны², между тем их история очень интересна и поучительна и связана с многими поколениями петербуржцев, принадлежавших к разным сословиям, национальностям и профессиям, живших, служивших или бывавших здесь: военных и чиновников, купцов и мещан, литераторов и артистов, художников и архитекторов и т. п. На рубеже веков улица Рубинштейна была и остается одним из центров театральной и музыкальной жизни Северной столицы.

Значительная часть зданий, расположенных на этих магистралях, находится под охраной государства или взяты на учет как вновь выявленные памятники архитектуры, истории и культуры, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. На некоторых из них помещены мемориальные доски, увековечившие

память выдающихся личностей, оставивших заметный след в истории русской культуры, среди которых А.Г. Рубинштейн, О.Ф. Берггольц, С.Д. Довлатов и др. Если об одном из самых известных Толстовском доме написано уже несколько томов краеведческих исследований³, то еще больше домов рядовой застройки на этих улицах и переулках хранят свои тайны, раскрыть которые и попытались авторы этой книги.

При ее написании были использованы материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб), адресные книги, мемуары, энциклопедии, краеведческая литература, газетные и журнальные публикации и др.

Глава 1

По улице Рубинштейна

Страницы истории улицы Рубинштейна

Возникновение этой улицы, протянувшейся на 700 метров от Невского проспекта до пересечения с Загородным проспектом и улицей Ломоносова, относится еще ко времени императрицы Анны Иоанновны. За свою 275-летнюю историю улица четырежды меняла свое название. 29 августа 1739 г. ей присвоено название Головин переулк по фамилии домовладельца, сподвижника Петра I, канцлера, графа Ф.А. Головина (см. Графский переулк). Это название улица сохраняла до 1800 г., с 1798 г. она именуется уже Троицким переулком, так как последний проходил по территории Троице-Сергиева подворья (современный адрес: наб. реки Фонтанки, 44). С расширением переулка и застройкой его многоэтажными доходными домами параллельно появляется еще одно наименование – Троицкая улица. Однако официально это название закрепилось за ней только 16 апреля 1887 г. Наконец, 27 ноября 1929 г. улица получает имя А.Г. Рубинштейна, в честь выдающегося композитора, пианиста, дирижера и общественного деятеля, жившего на этой улице

в доме № 38, в связи со 100-летием со дня его рождения⁴.

Но еще задолго до того, как эта магистраль получила статус переулка, а позже и улицы, здесь располагалась Астраханская (Адмиралтейская) слобода – по наименованию команды солдат-строителей под началом майора (позже подполковника) М.О. Аничкова. Ими в 1716 г. возведен первый деревянный мост через Фонтанку, получивший название Аничков⁵.

В 1710-е гг. здесь проходила дорога, пересекавшая безлюдную и небезопасную местность: в лесах, покрывших берега Фонтанки, водились волки и скрывались разбойники⁶. Информация о старейшем участке современной улицы (ул. Рубинштейна, 3/наб. реки Фонтанки, 44) относится к 1720-м гг. Здесь стоял деревянный дом контр-адмирала Дуффуса, которому Петром I, как и другим его сподвижникам, выделили участок за Фонтанкой для устройства усадебного дома. После смерти Дуффуса этот участок казна передала архимандриту Варлааму, основателю Троице-Сергиевской пустыни под Петербургом. В 1734 г. он перенес сюда подворье этого монастыря, ранее располагавшегося на берегу реки Ждановки, что на Петербургской стороне. После постройки в 1751–1753 гг. по проекту П.А. Трезини здесь каменного одноэтажного на подвалах здания для монахов в ноябре 1754 г. освятили походную церковь Пресвятой Троицы, принадлежавшую ранее Кабардинскому полку⁷. Таково про-

исхождение топонима, просуществовавшего 130 лет и пережившего саму пустынь, закрытую впервые в послереволюционные годы.

Но вернемся к истории улицы. К середине XVIII в. дорога, которая шла через территорию подворья, была вымощена деревом, лесá вдоль нее вырублены, а по обеим ее сторонам появились каменные загородные усадьбы вельмож. Эта застройка хорошо видна на плане Трускотта 1753 г.⁸ Возведение домов на улице началось тогда, когда по III генеральному плану А.В. Квасова граница Санкт-Петербурга от набережной реки Мойки, где она проходила с петровских времен, в 1760-е гг. перенесли за Фонтанку, к современному Загородному проспекту⁹. Первые данные о домовладельцах и жителях Троицкого переулка мы находим в «Книге адресов Санкт-Петербурга» за 1809 г. Среди них чиновники (действительный статский советник Деденев и статский советник Д.А. Горлов) и военные (полковник Куприянов и его наследники). Но большинство принадлежало к купеческому сословию: Брилин Андрей, Варнарин Козьма, Березин Ларион, Козулин Николай, Малеев Сидор, Дмитриев Никон, Никулин Василий, Павлов Федор, Чечулин Иван – купцы 3-й гильдии, при которых на Троицком переулке появляются первые постройки и начинается торговля¹⁰. По данным «Руководства к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу» Самуила Аллера 1824 г., число жителей, проживавших в Тро-

ищком переулке, значительно возросло. Среди них уже появляются фамилии тех, чьи потомки будут владеть землей и недвижимостью здесь много десятилетий, такие как купцы Алферовские, Громы, Новинские, Синебрюховы и др.¹¹ В эти же годы на углу Невского проспекта и Троицкого переулка в собственном трехэтажном доме проживал выдающийся балетмейстер и педагог Шарль Дидло¹² (рассказ о нем впереди). В целом же в это время переулок выглядел весьма скромно: небольшие, в большинстве своем одноэтажные и двухэтажные дома, деревянные мостовые да пустыри.

Из «Книги адресов Санкт-Петербурга» за 1837 г. известно, что среди жителей Троицкого переулка значительно возрастает число лиц, принадлежавших к первым пяти классам, согласно «Табели о рангах», среди них: генерал-лейтенант М.В. Маринский (современный дом № 20), вдова генерал-майора Т.И. Бехметова (дом № 5), баронесса Аш (дом № 24), тайный советник П.С. Кайсаров, директор Департамента продаж и сборов (дом № 1/43), статские советники И.П. Бунин, А.И. Лайщиков, М.Я. Магазинер, К.И. Милиус, а также чиновники и военные поменьше рангом: надворные советники, губернские секретари, полковники, поручики, прапорщики и т. п.¹³ В перестроенном виде до нас дошел дом № 18, возведенный в 1837 г. по проекту архитектора Д.Ф. Адамини¹⁴ (ныне в здании располагается Малый драматический театр – «Театр Европы»).

Более подробная информация о Троицком переулке содержится в «Атласе тринадцати частей Санкт-Петербурга» Н. Цылова за 1849 г. Тогда здесь было уже три 2-этажных (дом № 26 генерал-майора В.Н. Лермонтова, дом № 28 купца Е.С. Локунова, дом № 40 купцов Лапиных); девять 3-этажных (№ 2, 4, 9, 10, 12, 18, 20, 22, 32), двенадцать 2-этажных и всего пять 1-этажных домов. Кроме того, в переулке было три дровяных двора (Николиной, Ильных и Громова) и два пустопорожных участка. Купчиха Николина помимо дровяного двора владела еще торговыми банями. Среди домовладельцев генералы: Н.В. Зиновьев (дома № 5–7), В.Н. Лермонтов (дом № 26), вдова генерала У.В. Козлова (дом № 36); чиновники: тайный советник Ф.П. Лубянов (дом № 9), действительный тайный советник И.Б. Цейдлер (дом № 12), жена действительного статского советника К.Е. Руднева (дом № 20), коллежский советник П.И. Пономарев (дом № 10). Дом № 1/43 унаследовал сын знаменитого балетмейстера К.К. Дидло. Большинство же домовладельцев (18!) по-прежнему составляли купцы, среди которых и уже упоминавшиеся Брилины, Алферовские и т. п. Лишь два здания принадлежали мещанам: Ф. Батенину – дом № 19б, и М.В. Леденцовой – дом № 30, а один скромный одноэтажный дом – сапожному мастеру М.П. Малютину (дом № 21/15). По четной стороне к 1849 г. уже стояло 18 домов, а по нечетной – 9. Между ними все еще сохранялись разрывы в виде дровяных сараев или пустопорожных участков земли¹⁵.

28 мая 1862 г. случился один из самых страшных пожаров в истории города. Вот как описывает его в журнале «Русская старина» один из очевидцев: «Я отправился в кухню, окно которой выходило в сторону, противоположную Троицкому переулку, т. е. к Фонтанке, и увидел громадное пламя, высоко взвивавшееся к небу, в черных густых тучах дыма, застилавших свет солнечный. <...> Со стороны Фонтанки пылало здание Министерства внутренних дел. Вместе с головнями и пламенем из него вылетали целыми тучами массы горячей бумаги, целые связки дел страшною силою огня и ветра летели в Фонтанку, и многие перебрасываемые через нее, падали на крыши противоположных домов, достигая даже Щербакова переулка, и зажгли находившийся на углу его деревянный двор, от которого пожар распространился и по этому переулку <...> и истребил в нем почти все дома до Троицкого переулка»¹⁶.

Огонь из Апраксина двора переметнулся через Фонтанку, и вскоре переулки, прилегающие к Троицкому, выгорели почти дотла. В самом центре столицы оказались огромные незанятые пространства, которые в последующие десятилетия превратились в одну обширную стройплощадку. Пожар, пощадивший Троицкий переулок, способствовал, однако, его быстрой застройке многоэтажными каменными домами, появлявшимися в 1860–1880-е гг. на месте уже существовавших более скромных зданий. Во многом такой бурный рост строительства обусловлен крестьянской рефор-

мой 1861 г., а также учреждением Санкт-Петербургского городского кредитного общества, предоставлявшего владельцам земли длительные займы на постройку зданий. В 1860-е гг. возведены дома № 13 (1863–1864 гг.), № 19/8 (1862–1863 гг.) и № 21/5 (1868 г.)¹⁷.

По данным «Всеобщей адресной книги Санкт-Петербурга на 1867–1868 гг.», владельцами домов в Троицком переулке в то время являлись купцы 1-й и 2-й гильдии: Г.К. Крундышев (№ 8), А.Д. Константинов (№ 16 – не дошел до нашего времени), И.П. Лихачев (№ 7 – на его месте знаменитый дом «Слеза социализма»), коммерции советник И.П. Синебрюхов (№ 9), владелец суконных лавок Г.Ф. Лесников (№ 36) и «король» овощной торговли А.А. Лапин (№ 40). Участок дома № 12 (на его месте постройка 1930-х гг.) принадлежал потомственной почетной гражданке, владелице химического, дробяного и кирпичного заводов А.В. Растеряевой, а сразу три участка (№ 15, 17, 19) – жене старшего кассира Императорских театров М.Ф. Руадзе, в том числе «Зал собраний» в № 13. Следует отметить, что среди владельцев недвижимости в Троицком переулке в те годы были и военные (полковник И.И. Ростовцев – владел домом № 2/45, полковница Е.И. Рубцова – домом № 10), а портной Н.В. Васильев – домом № 4¹⁸.

В 1860-е гг. значительно возросла плотность застройки и этажность доходных домов. Однако по-прежнему значительную часть переулка занимали пустопорожние участки и дро-

вяные сараи. И еще один штрих к очерку жизни Троицкого переулка в первые годы царствования Александра II. В апреле 1858 г. на фасаде дома № 2/45 появилась вывеска: «Мариинское женское училище для приходящих девиц», вскоре получившее статус гимназии. Это была первая женская гимназия в Петербурге (о ней речь впереди)¹⁹.

Одним из новых очагов культуры становится Зал собраний в доме М.Ф. Руадзе (арх. Н.П. Гребенка). Здесь, с момента открытия Зала, проходили благотворительные вечера, балы, концерты, устраивались выставки художников²⁰.

В тех изменениях, которые произошли в 1860-е гг. в жизни тихого Троицкого переулка, можно увидеть отражение глобальных перемен в жизни России, последовавших после отмены крепостного права и других реформ Александра II, давших мощный толчок развитию капитализма, общественной жизни, просвещению и др. Следствием крестьянской реформы стал и строительный бум, затронувший и Троицкий переулок в 1870–1880-е гг. Именно тогда возвели или перестроили дошедшие до нашего времени дома: № 2/45 (1875–1877 гг.), № 8 (1870–1871 гг.), № 10 (1881 г.), № 26 (1873 г.), № 36 (1877–1879 гг.), № 38/9 (1879–1880 гг.)²¹. Столь же интенсивно застройка улицы продолжалась и на рубеже веков. Именно тогда построены дома № 22 (1892 г.), № 6 (1896 г.), № 34 (1897 г.), № 24 (1899 г.), № 30 (1899–1900 гг.), № 20 (1901 г.), № 4 (1903–1904 гг.), последними в дореволюци-

онный период возведены: в 1910–1912 гг. – дом М.П. Толстого (№ 15–17), 1911–1912 гг. – дом Купеческого общества (№ 23), 1913–1914 гг. – дом Ш.З. Иоффа (№ 40)²².

Архитектурный облик улицы определяют в основном здания, построенные в стиле поздней эклектики с богато декорированными фасадами, с небольшим вкраплением построек эпохи модерна и неоклассицизма. Среди архитекторов этих зданий такие видные мастера, как П.И. Балинский, С.А. Баранкеев, Н.П. Басин, Е.П. Веригин, Н.П. Гребенка, А.А. Гун, И.И. Дитрих, А.В. Иванов, А.В. Кащенко, В.А. Кенель, Ф.И. Лидваль, А.Л. Лишнеvский, М.А. Макаров (по его проектам на Троицкой улице возведено три дома – № 8, 25 и 27), В.Г. Мец, М.В. Максимов, В.П. Стаценко, Л.Ф. Фонтана, А.С. Хренов (автор двух домов – № 4, 26) и Э.Г. Шуберский²³. Построенные ими здания относятся в основном к рядовой фоновой застройке, дома стоят вплотную и примерно одной высоты. Все здесь соразмерно человеку, не давит масштабами и потому смотрится очень гармонично, как цельный архитектурный ансамбль.

Немало архитекторов выбрали Троицкую улицу местом своего жительства. В разные годы здесь проживали И.В. Вольф, С.П. Голензовский, Э.И. Жибер, А.К. Зверев, А.П. Иларионов, П.Ю. Майер, А.К. Серебряков, А.М. Смирнов, В.П. Стаценко, Я.И. Филотей, Д.А. Шагин и др. (о каждом из них мы расскажем в главах, посвященных домам, где они

жили)²⁴.

К началу XX в. улица приобрела респектабельность, которая сразу же отразилась и на составе жильцов доходных домов. Среди ее жителей представители высшего света, военные деятели, крупные чиновники, писатели, издатели, журналисты, депутаты Государственной думы и т. д.

По данным адресной книги «Весь Петроград» за 1917 г., на Троицкой улице проживали 11 присяжных поверенных и 10 помощников присяжных, более 30 практикующих врачей, из которых более половины составляли стоматологи²⁵.

Здесь располагались конторы многих акционерных обществ, товариществ и торговых домов. Среди них – Товарищество «Вассидло», предлагавшего машины, бурильные устройства и компрессоры для горного дела; акционерные общества: «Станок», торговавшее машинами и станками для обработки металлов, кузнечких каменноугольных копей; «Бахмутская соль»; Горско-Ивановское каменное общество; Тетерская золотопромышленная компания; компании каменных угольных копей и рудников; представительство арматурно-механического завода «Электротагер», строительной компании «Нельсон и К^о» и других торгово-промышленных предприятий²⁶.

Предприниматели на Троицкой улице могли заказать паровые турбины, инструменты высшего класса, клапаны, прокатные устройства, машины для обработки руд, горнозавод-

ские машины, землечерпальные снаряды, газовые и керосиновые двигатели, машины и станки для обработки и распиловки дерева, а также металлы – свинец, алюминий, мельхиор, никель²⁷.

Таким образом, в предреволюционные годы Троицкая – одна из самых деловых улиц в историческом центре столицы. А что предлагала тогда для тысяч ее жильцов, проживавших в доходных домах, розничная торговля?

По данным той же адресной книги «Весь Петроград», на Троицкой улице было открыто более 80 торговых учреждений, в том числе: четыре магазина мелочной торговли, по три – сливочных и молочных изделий, столько же торговали чаем и сахаром, зеленью и табаком, два магазина торговали мясными и колбасными изделиями, имелась и одна булочная. В магазинах на Троицкой улице можно было купить мануфактурные, суровские, москательные и скобяные товары, осветительные приборы или электротовары, посуду, стекло, французскую ваксу, косметику, чулки, мужские и дамские платья, парикмахерские принадлежности. К услугам жителей были четыре ювелирных, два цветочных и три мебельных магазина. Свой фирменный магазин на Троицкой улице имело акционерное общество «шоколадного короля» Жоржа Бормана. Один из магазинов торговал льдом, в другом можно было приобрести маскарадные костюмы. Были здесь и канцелярский, и два книжных магазина, в том числе известный во всем Петрограде магазин для учителей «Русское

учительство».

Свои услуги жителям предлагали квартирное бюро «Посредник», занимавшееся наймом и сдачей квартир, комнат, дач, торговых помещений (аналог современного агентства по недвижимости), три бюро по перевозке, упаковке и хранению мебели, обойщики и драпировщики, мастерские учебных пособий и игр, металлографии, красильни, две скорняжные, пять сапожных, а также переплетные мастерские. Принимались подряды на постройку заводских дымовых труб и печей, строительные, малярные, кровельные, асфальтовые, бетонные и гранитные работы. Для петербуржцев и гостей города здесь были открыты пять мини-гостиниц с меблированными комнатами (аналог современных хостелов), пять парикмахерских и прачечная.

Поесть на Троицкой улице можно было в пяти буфетах, трех кухмистерских и чайной. Наиболее широкий ассортимент услуг предлагали 11 модельных заведений, 10 модных магазинов, 3 мастерские дамских шляп и 6 по изготовлению корсетов²⁸. В адресных книгах «Весь Петербург» и «Весь Петроград» мы нашли информацию о девяти модистках, двух кутюрье и десяти портных.

Как отмечает автор очерка об улице Рубинштейна в журнале «Адреса»: «...это была, вероятно, самая гламурная улица столицы (не считая, конечно, Невского проспекта). Практически в каждом доме здесь имелось ателье по пошиву, а иногда и несколько. Рекорд принадлежал дому № 25...

В этом пятиэтажном доме одновременно работали целых семь модных заведений; дамские портные Никита Поденко, Иван Чернов и Николай Прилуцкий, а также дамские портнихи Раиса Вениг и Екатерина Катаева-Прилуцкая (супруга упомянутого Николая). Тут же имелась мастерская вязально-трикотажных изделий Эмилии Оххо и фабрика шляп Давида Фридберга.

Конкуренция на Троицкой была очень острой. Клиент мог, как на рынке, переходить из дома в дом вдоль улицы, выбирая мастера и цену. Не понравилось у Зинаиды Пульвермахер из дома № 5, идет в ателье Aux Modes Elegantes Анастасии Сизовой в следующем доме – № 7, затем напротив, в дом № 10, к портнихе Анастасии Федосеевой заглянет, не то в ателье Beatrice к Иде Шапиро в дом № 12 забежит... Вновь переходит улицу и к дому № 11, в Jeanne Panie... И так в каждый подъезд – где-нибудь да сгодится.

Некоторые модистки имели узкую специализацию: одна – Евдокия Акимова из дома № 26 – шила только верхнюю одежду, три портнихи занимались вязально-трикотажными изделиями (в домах № 25 и 36), еще четыре мастера делали на заказ белье и корсеты (любопытно, что, несмотря на некоторое ханжество тогдашнего русского общества, двое из них были мужчинами – Гавриил Лаунер в доме № 14 и Марк Розенберг из дома № 36). Неплохо обстояло дело и с головными уборами: на Троицкой существовало две фабрики шляп – уже упомянутое предприятие Давида Фридберга в доме

№ 25.

Кроме того, в доме № 24 разместилось Художественное ателье дамских шляп, где желающих обучали шляпному ремеслу. Трехмесячный курс стоил 45 рублей – немало по тем временам. Да и брали туда не всех: приписка в объявлении гласила, что ателье „принимает только интеллигентных учениц“. Кстати, похоже, какие-то их этих ателье дамских головных уборов дожили до 1930-х годов: не была на Троицкой обойдена вниманием мужская мода: клиентов ожидали десять мужских портных – Лев Милькер из дома № 9, Дмитрий Богданов из дома № 11, Матвей Старосельский из дома № 29 и другие. Специфическую мужскую одежду – церковные облачения – тоже делали неподалеку. Единственный в округе их шил Иван Смирнов в Чернышевом переулке, дом № 16. Особняком держались военные портные, изготавливавшие парадные офицерские мундиры. Их было всего двое: Петр Игнатовский работал в доме № 15–17, а Отто Рексин – в доме № 29. Судя по всему, они имели солидную клиентуру: у обоих указаны телефоны мастерских (что в рекламе встречалось нечасто), а объявление Игнатовского даже в особый немаленький модуль...»²⁹ Такая деловая активность на Троицкой улице объяснялась тем, что аренда в здешних доходных домах была существенно дешевле, чем совсем рядом, на Невском и Литейном проспектах.

Но Троицкая улица могла удовлетворить не только материальные запросы. Три адреса на ней связаны с деятельно-

стью организации «Народная воля» и два – с В.И. Лениным. В конце XIX – начале XX вв. здесь размещались редакции известных журналов. В доме № 2 помещались редакции газет «Новое время» и «Сын Отечества», в доме № 10 – юмористический журнал «Шут», в доме № 9 на углу Графского переулка – редакция литературно-научного журнала «Северный вестник», в доме № 31/1 —редакции литературно-политического журнала «Дело» и «Журнала Министерства народного просвещения», в доме № 18 находилась редакция сатирического журнала «Осколки», в доме № 26 – газеты «Санкт-Петербургские ведомости», а в доме № 40 – издательства двух технико-экономических журналов: «Технический обзор» и «Прогрессивное сельское хозяйство»³⁰. И это далеко не полный перечень издательств.

В предреволюционные годы Троицкая улица становится и заметным культурным центром столицы. Петербургские театралы хорошо знали Троицкий театр миниатюр, разместившийся в перестроенном доме И.А. Жевержеева (№ 18–20). Музыкальные концерты, благотворительные спектакли, балы и выставки художников по-прежнему проходили в Зале собраний Павловой (б. Руадзе). Здесь же располагался Дом Польский «Огниско» (очаг) – в прямом смысле очаг польской культуры³¹.

О высоком статусе Троицкой улицы в начале XX в. свидетельствует тот факт, что здесь располагались генеральные консульства Болгарии (дом № 6), Швейцарии (дом № 3),

США (дом № 5), Монако и Бразилии (дом № 27)³².

В годы Первой мировой войны на Троицкой улице были открыты лазареты для раненых и увечных воинов, как городские, так и частные, содержавшиеся на благотворительные средства³³.

Октябрьская революция и последующие за ней годы Гражданской войны коренным образом изменили жизнь улицы. Многие домовладельцы и арендаторы барских квартир бежали из России, а те, кто остались, испытали все ужасы красного террора, разрухи, национализации частной собственности и последовавшего вслед за ней уплотнения, наслідием которого стали ленинградские коммуналки, дошедшие до нашего времени. Сколько драм и трагедий таилось за стенами домов на Троицкой улице.

О такой драме в недрах коммуналки бывшего Троицкого переулка рассказал известный театральный художник Э. Кочергин. В 1966 г., чтобы приобрести необходимый для спектакля реквизит – старинную мебель, он пишет: «...я попал в выстроенный в конце XIX века дом на улице Рубинштейна... Открыла мне дверь высокая старуха с довольно жестко прорисованным лицом – видать, где-то когда-то начальствовала. За ее спиной, по длинному темному коридору, открылось еще несколько дверей, и из каждой, как по какой-то команде, высунулось по старухе, а в дальнем проеме коридора, ведущем, очевидно, на кухню, покачивался чей-то силуэт в длинной шали». Старухи оказались псковскими комсомол-

ками, которых «в начале 20-х годов по спецпризыву – поднимать фабрики и заводы и бороться с разрухой – привезли в Петроград и поселили в этой буржуазной квартире». А «тощий силуэт» в конце темного коридора принадлежал сыну ее бывшего хозяина. Он обитал в маленькой комнатке для прислуги, полутемной и без дверей, чтобы из кухни можно было постоянно наблюдать за тихим, но небезопасным жильцом-алкоголиком: вдруг заснет с зажженной сигаретой? Новые хозяйки пустили его туда из милости. Это больной, нищий и совершенно одинокий человек, у которого «все пропало: родные. Квартира. Жизнь». По образованию архитектор, он зарабатывает себе на пропитание тем, что надписывает ценники в магазине. От прошлой жизни у него осталось две вещи: пожарная каска отца-брандмайора и семейный альбом. Рассказ заканчивается его горькими словами: «Человек – это звучит больно»³⁴.

Прошлась по улице Рубинштейна и страшная волна сталинских репрессий. Имена некоторых жителей улицы, ставших невинными жертвами в годы террора, удалось выявить благодаря «Ленинградскому мартирологу», размещенному на сайте «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке. В одном только Толстовском доме выявлено 38 имен репрессированных, 36 из которых расстреляны³⁵.

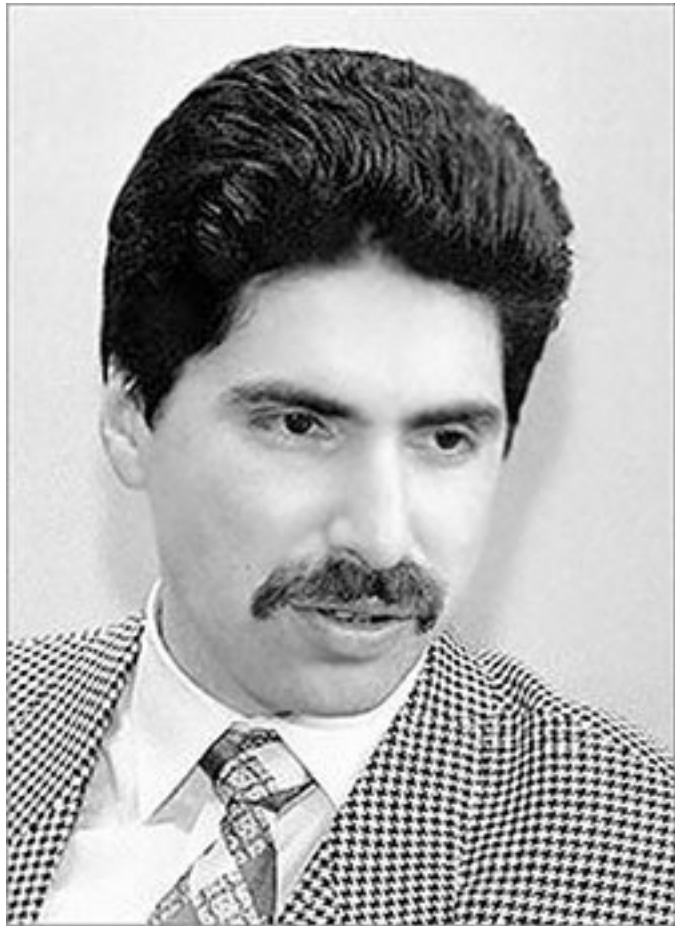
В годы Великой Отечественной войны в Красную армию призваны сотни жителей улицы Рубинштейна, и многие из них погибли. Только по тому же дому № 15–17 удалось вы-

явить 17 погибших или пропавших без вести солдат и офицеров³⁶.

В годы блокады Ленинграда во многих домах в подвалах улицы были оборудованы бомбоубежища, на крышах – выставлялись дежурные местной противовоздушной обороны (МПВО) для тушения зажигательных бомб. Но каждый день в этих домах в комнатах люди умирали от голода, погибали от обстрелов и бомбежек. На одном из домов улицы Рубинштейна в годы войны установили табличку «Граждане! При артобстреле это сторона улицы наиболее опасна», такая же, что сохранилась на доме № 14 в начале Невского проспекта. В «Книге памяти», составленной исследователями истории Толстовского дома, указаны имена 417 его жителей, умерших в блокаду Ленинграда³⁷. Но даже в этих нечеловеческих условиях улица продолжала жить. В доме № 13 работала средняя школа (в разные годы под № 21, 16, 218). С наступлением весны все жители улицы, способные держать в руках лопаты, выходили на уборку снега и нечистот, пролежавших всю зиму. Нагружали снег и куски льда на фанеру, и несколько человек тащили за веревку ее к Фонтанке, там сбрасывали на лед³⁸. История улицы неразрывно связана с именем музы блокадного Ленинграда – О.Ф. Берггольц³⁹.

В послевоенные годы улица залечивала свои раны, ремонтировались пострадавшие от обстрелов и бомбежек дома, приводились в порядок дворовые территории. Удивительно,

что как и в предреволюционные годы, на этой улице жили многие выдающиеся писатели, артисты, деятели науки, о которых мы расскажем в последующих главах, также как и о том, какую роль сыграла улица Рубинштейна в их жизни и творчестве. А какая метаморфоза произошла с бывшим Троицким театром, когда с приходом Льва Додина заурядный областной драматический театр превратился в «Театр Европы». А через какие превращения прошел бывший Зал Собраний Павловой (школа), Дом художественной самодеятельности, знаменитый рок-клуб и, наконец, Государственный детский музыкальный театр «Зазеркалье», один из лучших в Петербурге!

М.В. Маневич

Затронули улицу Рубинштейна и лихие 1990-е, именно

здесь, на углу Невского проспекта застрелен вице-губернатор Петербурга М.В. Маневич, возглавлявший Комитет по имуществу и ставший жертвой раздела этого имущества (до своей гибели он жил на этой улице, в Толстовском доме)⁴⁰. Конечно же, у улицы Рубинштейна немало проблем, связанных с состоянием жилищного коммунального хозяйства. Возраст многих домов уже давно превысил 100 лет, но в последние годы отреставрированы фасады домов, благоустроена и сама улица⁴¹. В сравнении с улицей столетней давности, а особенно советской эпохи, здесь многократно увеличилось число кафе, баров и ресторанов, куда заходят не только местные жители, но и петербуржцы, приезжающие сюда из других районов Петербурга, и гости нашего города. Не случайно улица Рубинштейна попала в десятку лучших ресторанных улиц. «Действительно, – отмечает корреспондент „Санкт-Петербургских ведомостей“ Алла Чередниченко в репортаже „К Рубинштейну на обед“, – попадая сюда, словно оказываешься в гастрономическом центре разных стран мира. Чего здесь только нет: и единственный в Петербурге настоящий испанский тапас-бар, и колоритный уголок Латинской Америки, где можно попробовать блюда перуанской, колумбийской, мексиканской и аргентинской кухонь, и экзотические чайные, из которых доносятся пряные ароматы напитков Азии и Востока. Для любителей полноценной мужской еды есть стейк-хаус, свежее мясо в который, говорят, доставляет местное фермерское предприятие. Для слад-

коежек – соблазнительные кондитерские и кофейни. Интерьеры многих ресторанов и кафе на вкусной улице выполнены известными дизайнерами и напоминают арт-пространства. К примеру, французский ресторанчик передает стиль винтажной квартиры 1920-х. А в израильском стрит-фуд баре с аутентичной кухней на стенах можно разглядеть художественные реплики реального граффити со стен Тель-Авива. Кубинский ресторан удивляет гостей раритетом – один из его залов украшает кабриолет 1950-х гг. производства США.

В теплый сезон рестораны и кафе летними открытыми верандами, украшенными цветами, а зимой – заманивают посетителей в свое „завитринье“, за которым мерцают свечи и модная иллюминация. В рамках формата „ресторанная улица“ представлены и абсолютно новые экспериментальные решения. К примеру, не так давно здесь появился антикинотеатр, в котором просмотр кинофильма сопряжен с дегустацией блюд из соседних ресторанов.

Гастрономическую атмосферу улицы дополняет ее история. Практически все дома, расположенные на ней, представляют историко-культурную ценность. Здесь и дом-коммуна инженеров и писателей, получивший народное название „Слеза социализма“ за бытовые неудобства. И элитный Толстовский дом, в котором в разные годы проживали известные творческие личности и снимались эпизоды многих фильмов.

Культурную составляющую улицы поддерживают знаме-

нитый „Театр Европы“ (МДТ) и Государственный детский музыкальный театр „Зазеркалье“, который особенно почитают поклонники и знатоки русского рока, ведь именно в этом здании в 1980-е годы действовал Ленинградский рок-клуб.

Кстати, в советском Ленинграде улица Рубинштейна точками общепита похвастать не могла. Обрастать стильными ресторанами, кофейнями и барами она начала только в начале 2000-х гг. Гастрономические заведения стали появляться практически во всех домах от Невского до Загородного проспектов, а также в соседних переулках и двориках. В целом же улица выглядела неухоженной и неудобной, забитой транспортом. Ситуацию разрешил „Газпром“, который профинансировал реконструкцию этого городского проезда. Был значительно расширен тротуар, организованы дополнительные парковочные места, сделаны пандусы. Тротуары замостили гранитом. При этом рисунок его напоминает клавиши, что обыгрывает название улицы в честь известного композитора.

И сегодня залы ресторанчиков и кафе здесь не пустуют. Это при том, что средний чек заведений не отличается демократичностью (от 1000 до 2500 рублей а-ля карт).

Как правило, здесь собираются представители среднего класса, банкиры и топ-менеджеры, студенты престижных вузов, творческая интеллигенция. Повышенной популярностью эта улица пользуется у иностранных туристов.

Вероятно, именно поэтому крупнейшее издание столицы

США газета Washington Post включила улицу Рубинштейна в десятку лучших стрит-пространств Европы».

Говоря о культурной составляющей улицы, нельзя не сказать о том, что три дома на ней (№ 7, 23 и 38) состоят под охраной государства, а еще двенадцать в начале XXI в. вошли в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих собой историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»⁴².

После погружения в историю улицы теперь мы предлагаем нашим читателям заглянуть в каждый из ее домов. И нашу прогулку по улице Рубинштейна мы начнем с ее нечетной стороны.

От Невского проспекта до Графского переулка

Нечетная сторона

Дом № 1/43

На углу улицы Рубинштейна и Невского проспекта до нашего времени дошел пятиэтажный цвета беж с большим карнизом и сплошной рустовой дом. Пластику его фасада разнообразят сандрики, замковые камни и декоративные картуши – эти «барочные» элементы вторят необарочной архитектуре дворца князей Белосельских-Белозерских А.И. Штакеншнейдера. В то же время, как справедливо замечают авторы путеводителя «Невский проспект. Дом за домом»: «...общий композиционный строй, рисунок некоторых деталей, полукруглые балконы на срезанном углу перекликаются с другим угловым домом 45/5»⁴³.

Свой современный вид дом приобрел в 1900 г., когда академик архитектуры, архитектор Двора великого князя Сергея Александровича А.В. Кащенко надстроил двумя этажами и декорировал ранее стоявшее здесь здание театральной дирекции, перестроив его под доходный дом великого кня-

зя, к тому времени владевшего уже дворцом князей Бело-сельских-Белозерских⁴⁴. Участок на углу Невского проспекта и Троицкого переулка застраивался с начала XIX в., с 1818 по 1837 г., без малого 20 лет, владельцем дома являлся выдающийся французский балетмейстер и педагог Шарль Луи (Карл) Дидло (27.03.1767–07.11.1837). Его имя значится в «Руководстве к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу» Самуила Аллера⁴⁵. Для него архитектор А.Д. Неллигер в 1829 г. увеличил двухэтажный дом на один этаж⁴⁶.

Дом № 1/43. Фото авторов, 2021 г.

Дидло вписал яркую страницу в историю русского балета. В 1801–1811 и 1816–1833 гг. он – танцовщик и балетмейстер Эрмитажного и Большого театров в Санкт-Петербурге, а с 1804 по 1811 г. возглавлял балетную часть Петербургского театрального училища. Славу Дидло принесли поставленные им на петербургской сцене балеты, в которых он выступил как гениальный реформатор балетного искусства. Вспоминаются строки из пушкинского «Евгения Онегина»: «Там и Дидло венчался славой»⁴⁷. Балеты, поставленные Дидло и принесшие ему славу, тематически подразделялись на мифологические темы: «Зефир и Флора», «Амур и Психея», «Апис и Галатея», «Тезей и Арианна» и др.; сказочные: «Роланд и Моргана», «Хенз и Тао, или Красавица и чудовище», историко-героические «Венгерская хижина, или Знаменитые изгнанники», герой которой венгерский повстанец Ф. Ракоши, «Рауль де Креки, или Возвращение из Крестовых походов» и др. Один из своих знаменитых балетов Дидло поставил на сюжет поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник»⁴⁸. Необычным, новаторским в постановках Дидло, как отмечают исследователи его творчества, было то, что в них достигалось единство музыки, пластики, оформление костюмов и содержание спектакля. К середине XIX в. Петербургский балетный театр благодаря Дидло стал одним из ведущих в Европе. «Его балеты произвели переворот в тогдашней хореографии. Он отменил парики, французские кафта-

ны, башмаки с пряжками, фижмы, шиньоны и ввел трико телесного цвета, а также невиданные дотоле полеты. Дидло поставил русский балет на небывалую высоту и образовал много хореографических знаменитостей русских»⁴⁹.

Какой этот гений в жизни? С виду он походил на пожилого чиновника: «...среднего роста, худощавый, рябой, с небольшой лысиной»; однако длинный горбатый нос и острый подбородок выдавали в нем иностранца, а серые, быстрые глаза и стремительная походка – бурный артистический темперамент. Современники называли его одержимым. О его бешеном нраве ходили легенды. Рассказывали, например, что однажды, из-за отсутствия на репетиции кого-то из бутафории, Дидло выскочил на улицу и бежал по Невскому проспекту в экзотическом театральном костюме, вызывая ужас прохожих. Говорили также, что он бьет своих учеников, когда у них не сразу получается та или иная фигура, и даже во время спектакля нередко палкой встречает за кулисами танцовщицу, только что награжденную восторженными криками и аплодисментами. Как-то раз на репетиции, замахнувшись палкой на ученика, он задел люстру, но и град осколков, обрушившихся на него, не сразу остудил его гнев. „Даже его единственный сын Карл Дидло (очень хороший танцовщик) не избегал... колотушек, щипков и тому подобных родительских внушений“. <...> Но будущие артисты, „трудолюбивые дети Аполлона“, как он их называл, любили своего строгого учителя, который по-отечески заботился о них, „был чело-

веком благороднейших правил и готов был всегда отдать последнюю копейку бедным, а особливо, если эти бедные были ученики его“»⁵⁰.

Однако, если в глазах учеников жестокие выходки Дидло искупались его огромными достоинствами, то для театрального начальства эти достоинства значили гораздо меньше, чем «неудобный» характер великого балетмейстера. Вспыльчивый и независимый, он не терпел вмешательства в его постановки, и в большинстве случаев ему удавалось настоять на своем. Но однажды (это было 31 октября 1829 г.) недавно назначенный новый директор Императорских театров князь С. Гагарин во время спектакля в Каменном большом театре потребовал сокращения антракта: «Его Величеству надоело ждать!» Дидло не выполнил приказа. Тогда Гагарин, обернувшись к сторожам, закричал: «Арестуйте его!» Сопротивлявшегося изю всех сил старого балетмейстера схватили, «подняли на руки, отнесли в директорскую и заперли на ключ». Там продержали его двое суток. Такого оскорбления Дидло не мог вынести и, вернувшись к себе домой, в Троицкий переулок, немедленно подал заявление об уходе из театра. Но отставка не была принята: к дому Дидло ежедневно подъезжала казенная карета, чтобы везти его в театр, и, подождав понапрасну, уезжала. Так продолжалось почти три месяца. Очень трудно изменить привычный образ жизни. Он по-прежнему вставал рано, занимался чтением исторических книг, находя в них сюжеты для балетов, рисовал.

Воображая их на сцене. Но не надо было ехать ни в театральное училище, где он столько лет давал уроки танцев, ни в театр на репетиции и спектакли... Его ученики переняли от своего учителя искусство одухотворенного танца. Гордость Дидло – его любимая ученица, «русская Терпсихора» Авдотья Истомина. Особенно хороша была она в роли Черкешенки в упомянутом балете «Кавказский пленник»⁵¹.

Ш.Л. Дидло

Спустя четыре года затворничества в доме на углу Троицкого переулка и Невского проспекта Дидло в последний раз переступил порог Большого театра. В этот день, 4 октяб-

ря 1833 г., состоялся наконец его прощальный бенефис. Был поставлен один из лучших балетов Дидло «Венгерская хижина, или Знаменитые изгнанники», а после спектакля публика потребовала автора балета: «и сей крик продолжался около 15 минут». Он появился наконец в окружении артистов – своих учеников, они нарушили запрет директора, разрешившего бенефис, но не желавшего чествования Дидло. Они возложили ему на голову венок, целовали и обнимали, а дети-ученики целовали его руки...

Ему суждено прожить еще четыре года, страдая от тоски бездействия и чувствуя себя похороненным заживо. Угнетало и то, что рухнули надежды на продолжение в русском балете рода Дидло – сын Шарль (он не только носил имя отца, но и внешне был очень на него похож) в начале своей блистательной карьеры повредил ногу и вынужден оставить сцену. Дидло скончался 7 ноября 1837 г. во время поездки в Киев⁵².

После смерти балетмейстера дом унаследовал его сын Карл Карлович Дидло. Его имя мы встречаем в «Атласе тринадцати частей Санкт-Петербурга» Н. Цылова, где он значится как губернский секретарь⁵³. К сожалению, его творческая карьера оказалась непродолжительной. Карл Дидло дебютировал на сцене Большого Каменного театра в 1816 году в дивертисменте «Вечер в саду». По свидетельству современников, он был танцовщиком с большим дарованием, нравившемся публике, однако вынужден был оставить сцену из-

за болезни⁵⁴.

Карл Дидло выполнил волю отца и завещал дом на углу Невского проспекта и Троицкого переулка Дирекции Императорских театров, в собственности которой он находился до конца XIX в.⁵⁵

В 1899 г. участок приобрел великий князь Сергей Александрович, владелец соседнего дворца. Как справедливо замечает историк Евгений Пчелов: «Сергей Александрович – один из самых оклеветанных и оплеванных членов Дома Романовых. Виной тому его твердые консервативные убеждения, нежелание ни на йоту уступать реформаторам и всеми силами поддерживать самодержавный порядок. Он был воспитан в строгих религиозных и нравственных традициях. Большое влияние на его формирование оказала мать – Мария Александровна, глубоко верующая женщина. От нее он перенял гипертрофированное чувство долга, ведь императрица много страдала в последние годы, наблюдая поздний роман мужа и княжны Долгоруковой, но кротко все перенесла, вытерпела и осталась достойной своего высокого положения. Для Сергея Александровича интересы государства и государя были непререкаемы и священны, и на какой бы пост его ни назначили, всюду он стремился, прежде всего, честно выполнять свой долг».

Образование великого князя отличалось всесторонностью: его обучали и естественным, и техническим, и гуманитарным наукам, нескольким языкам, в том числе латы-

ни, искусствам. Первым из императорской фамилии познакомился с творчеством М.Ф. Достоевского и стал горячим почитателем его таланта. Высоко ценил раннее творчество Льва Толстого, в особенности «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир». К гражданской позиции писателя относился негативно, но единственный из высокопоставленных лиц согласился передать Александру III письмо Л. Толстого с призывом помиловать народовольцев-цареубийц.

Великий князь Сергей Александрович

Первоначально хотел служить на флоте, но пришлось ид-

ти на армейскую службу – в лейб-гвардии Преображенский полк. Сергей Александрович был застенчивым и потому малообщительным и неразговорчивым человеком, поначалу ему пришлось трудновато, но чувство долга пересилило все сложности, и вскоре Преображенский полк сделался для него родным домом. Как отмечает Е. Пчелов: «Его замкнутый образ жизни, неприятие жестокого мира, в котором нет места доброте и милосердию, породили множество нелепых слухов, распространявшихся ненавидевшими Великого князя завистниками и разного рода „свободолюбцами“». Сергей Александрович писал в 1883 г.: «Я все больше и больше убеждаюсь, что, чем больше иметь сердца здесь, на земле, тем больше приходится страдать и нравственно, и физически. Сердце ничего не стоит для людей, и они никогда его не ценят. Чем меньше отдаешься сердцем делам, тем спокойней может быть».

Но в это нелегкое для себя время он обрел личное счастье. Его избранницей стала дальняя родственница – одна из любимых внучек английской королевы Виктории, гессенская принцесса Елизавета. В семье Романовых ее называли Эллой. Красавица с добрым и отзывчивым сердцем, Элла сразу пленила великого князя. Когда она приехала в Россию, всех очаровала своей деликатностью, сдержанностью, кротким, мягким характером. Великий князь Константин Константинович писал:

Я на тебя гляжу, любясь ежечасно:

Ты так невыразимо хороша!

О, верно, под такой наружностью прекрасной

Такая же прекрасная душа!..

Сергей и Элла были глубоко религиозны. Еще до женитьбы, во время путешествия к святым местам великому князю пришла в голову мысль создать специальное общество, которое бы занималось изучением библейского наследия и ранней историей христианства. Так возникло Императорское Палестинское общество, и Сергей Александрович занял пост его председателя.

Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна

В 1891 г. Александр III назначил брата московским гене-

рал-губернатором. «Москва, – пишет Е. Пчелов, – серьезно беспокоила императора, и необходимо было иметь здесь верного человека, который проводил бы избранный традиционалистский курс. Сергей Александрович как нельзя лучше подходил для этого. Новая должность первоначально испугала его, однако он постарался освоиться на новом, незнакомом месте, вникнуть в суть городских проблем. Исколесил всю Московскую губернию, тщательно ознакомился с самим городом и его структурами, попытался внести в работу городской администрации ясность и четкость».

Сергей Александрович был большим любителем древностей и археологии. После открытия Исторического музея в Москве он возглавил это замечательное учреждение и неоднократно пополнял фонды музея своими щедрыми дарами...

В 1898 г. состоялась закладка еще одного крупного московского музея – Музея изящных искусств имени императора Александра III. Инициатором создания этого музея стал профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев, архитектором – Р.И. Клейн, а большую часть средств на строительство пожертвовал видный промышленник Ю.С. Нечаев-Мальцов. Однако мало известен тот факт, что Ю.С. Нечаев-Мальцов являлся товарищем председателя Комитета по строительству музея, а председателем – Сергей Александрович. К сожалению, ему не пришлось дожить до 1912 г., когда музей распахнул свои двери для посетителей.

С началом царствования Николая II наступили тревожные времена. Сергей Александрович убеждал государя твердо продолжать политику отца. Но ситуация становилась все более и более нестабильной.

В 1901 г. начался революционный террор. Одним из первых погиб министр народного просвещения Н.П. Боголепов. «Нет сильной направляющей воли, как было у Саши (Александра III), – сокрушался Сергей Александрович, – и теперь мы шатаемся, как в 70-х годах. Зачем? И даже ответ на вопрос не получишь! При этих условиях служить становится невозможно, и я серьезно подумываю сойти с административной сцены... один в поле не воин». Как отмечает Е. Пчелов: «Он остро ощущал свою „несовременность“, свою ненужность – все то, что он отстаивал, теперь теряло всякий смысл. После горьких раздумий Сергей Александрович оставил пост генерал-губернатора Москвы. Но революционеры все-таки добрались до него.

Месяц спустя эсер И.П. Каляев бросил бомбу в экипаж, в котором находился Сергей Александрович. Трагедия произошла в Московском Кремле. Взрыв оказался настолько сильным, что великого князя буквально разорвало на куски (его сердце обнаружили потом на крыше одного из зданий). Обезумевшая от горя Елизавета Федоровна с ужасом собирала останки мужа, и даже во время похорон люди все еще приносили отдельные части тела. Здесь же, в Кремлевском Чудовом монастыре, состоялось погребение».

Удивительно, что после этого великая княгиня обратилась к императору с просьбой помиловать убийцу своего мужа. Елизавета Федоровна приняла решение посвятить всю оставшуюся жизнь служению Богу и людям. На свои средства она (продала даже драгоценности) организовала в Москве уникальную обитель – сестринское братство, которая официально называлась Марфо-Мариинская обитель крестовых сестер Любви и Милосердия в Москве. На Ордынке великая княгиня купила большой участок земли. Здесь по проекту талантливого архитектора А.В. Щусева поднялся чудесный храм в неорусском стиле, который по просьбе самой Елизаветы Федоровны расписал чудными фресками Михаил Васильевич Нестеров. В стенах обители находились, помимо храмов и сестринских палат, больница, детский приют, библиотека. В 1910 г. Марфо-Мариинская обитель официально начала свою деятельность, а Елизавета Федоровна стала ее настоятельницей, не принимая монашеского пострига.

Как пишет историк: «Елизавета Федоровна жила чрезвычайно скромно, даже аскетично, нередко проводила целые ночи у постели больных, сама делала перевязки и ухаживала за увечными. Спала она на голых досках, иногда не больше трех-четырёх часов в сутки, строго соблюдала посты, причем в последние годы вообще ограничила свой стол одним блюдом из овощей. Она все делала сама, не требуя никакой помощи, а щедро даря ее ближнему. В госпитале выполня-

ла самые сложные и ответственные дела, нередко ассистировала при операциях, а сами врачи, дежурившие в обители, иной раз просили ее помочь им при операциях и в других больницах. Для своих крестовых сестер Елизавета Федоровна организовала медицинские курсы. Ее больница стала образцовой, и часто туда направляли наиболее тяжелых больных из других московских лечебниц».

Наступили тяжелые «февральские дни» 1917 г., обстановка накалялась. Представители Временного правительства уговаривали ее перебраться в Кремль, но Елизавета Федоровна четко отвечала: «Я выехала из Кремля не с тем, чтобы вновь быть загнанной туда революционной силой. Если вам трудно охранять меня, прошу вас отказаться от всякой к этому попытки».

Она осталась в Москве, и после октябрьских событий германский император Вильгельм II, который когда-то любил ее, дважды – в февральский период и после Октября – предлагал ей уехать из России. Но она отказалась, сославшись на то, что не может и не имеет право бросить обитель, сестер и то дело, которому посвятила жизнь.

На третий день Пасхи, когда ее арестовали, в главном храме обители служил сам Патриарх Тихон. Через полчаса после его отъезда нагрянули красноармейцы, давшие великой княгине всего полчаса на сборы. Елизавета Федоровна успела лишь собрать сестер в храме, поблагодарила их за самоотверженную работу и, осенив крестным знамением, попро-

сила не оставлять обитель (окончательно обитель закрыли в 1926 г.).

Сначала Елизавету Федоровну привезли в Пермь. Там она жила в монастыре, и ей разрешили посещать церковные службы. Затем великую княгиню переправили в Екатеринбург, куда также перевезли нескольких членов Дома Романовых.

По свидетельству историка: «В ночь с 17 на 18 июля, на следующие сутки после убийства в Екатеринбурге царской семьи, Великую княгиню Елизавету Федоровну, ее келейницу Варвару Яковлеву, Великого князя Сергея Михайловича, его камердинера Ф.С. Ремеза, князей Иоанна, Константина, Игоря Константиновичей и князя Владимира Павловича Палея вывезли за пределы города по направлению к Верхнеселимскому заводу. Мучеников привели к одной из шахт – Нижнеселимской – заброшенного железного рудника. Чекисты ударами штыков и прикладов столкнули узников в жерло шахты, а потом бросили вниз гранаты. Великая княгиня громко молилась и, крестясь, повторяла: „Господи, прости им, не ведают, что творят“. (18 июля – день празднования памяти преподобного Сергия Радонежского, духовного покровителя ее мужа – Сергея Александровича.)

Даже на краю смерти она продолжала оказывать помощь своим родным и близким. В страшной, засыпанной землей яме, в крошечной темноте она перевязала голову князя Иоанна Константиновича, а местные крестьяне в течение

еще нескольких дней слышали доносившиеся из-под земли церковные песнопения. Когда тела замученных извлекли на поверхность, оказалось, что Елизавета Федоровна и Иоанн Константинович упали не на самое дно шахты, а на небольшой выступ. Рядом с их телами лежали две неразорвавшиеся гранаты. Пальцы правых рук Елизаветы Федоровны, князя Иоанна и Варвары Яковлевой были сложены как для крестного знамения. Белогвардейцы перевезли тела мучеников в Читту, в женский Покровский монастырь. Там гроб великой княгини открыли, и обнаружилось, что ее тело почти не тронуту тлением. Но красные наступали. И тогда отец Серафим, игумен Серафимо-Алексеевского скита Пермской епархии, сопровождавший останки убиенных из Алапаевска в Читту, решил перевезти их в Пекин, на территорию Русской духовной миссии.

В апреле 1920 года тела алапаевских мучеников прибыли в Пекин. Там их захоронили в склепе при храме Серафима Саровского, а останки Елизаветы Федоровны и Варвары Яковлевой, по желанию брата и сестры великой княгини – Эрнста-Людвига, великого герцога Гессенского, и маркизы Виктории Милфорд-Хейвен, отправились к месту своего успокоения в Иерусалим. В ноябре 1981 года великая княгиня Елизавета Федоровна и Варвара Яковлева причислены к лику святых Русской православной зарубежной церковью, а в апреле 1992 года и Русской православной церковью – Московским патриархатом»⁵⁶.

Так трагически завершилась жизнь последней владелицы доходного дома на углу Невского проспекта и Троицкой улицы.

Удивительное дело, просмотр адресных книг с 1892 по 1917 г. приводит к мысли, что этот «великокняжеский дом» самый малонаселенный на Троицкой улице. Из его примечательных жильцов 1890–1900-х гг. можно назвать Юлиана Иосифовича Затценгофера, профессора Санкт-Петербургской консерватории, члена Филармонического общества и его жену Лауру-Елену⁵⁷, преподавательницу гимназии Стоюнина Любовь Алексеевну Мальцову⁵⁸. Последние жильцы дома накануне революционных потрясений 1917 г. – дочь тайного советника С.М. Блендовская⁵⁹, вдова капитана А.Г. Эльснер⁶⁰, Генрих Ферран⁶¹, Альфред и Анна-Екатерина Фафис⁶², М.Л. Гржибовская⁶³, а также врач, специалист по внутренним болезням М.Н. Ротштейн⁶⁴. Большинство квартир этого дома сдавались в аренду различным конторам и ресторану «Квисисана». Именно он принес дому скандальную известность.

Газета «Петербургский листок» писала о нем так: «Идут сюда не закусывать. Публика стекается сюда для разгула и разврата... „Дежурное блюдо“, за которым так гонятся ночные гулянки-гастрономы, – это женщины... все нечистое, блудливое, зараженное, бездомное, все холостяки. Бобылы, прожигатели жизни, – все стекается между 12 и 3 часами но-

чи сюда – в „Квисисану“».

Впрочем, сюда приходили не только «для разгула и разврата». Сюда забегали выпить стакан глинтвейна студенты, стоявшие зимней ночью в очереди за билетами в Александринский театр и, смеясь, говорили, согретые горячим напитком: «Mens sana in „Quisisano!“» (*mens sana (лат.) – здоровый дух*), а Н. Агнивцев о пирожке из «Квисисаны» вспоминает в одном из своих ностальгических стихотворений.

Здесь часто бывали писатель А.М. Ремизов и совсем еще молодой художник Ю.П. Анненков, который полвека спустя вспоминал: «Мы присаживались в „Квисисане“ к столику, заказывали скромно чай. <...> В наших беседах встречались имена Федора Сологуба, Василия Розанова, Вячеслава Иванова... Андрея Белого, Александра Блока... Наши разговоры с Ремизовым часто переходили на болтовню: о расплывчатости облачных контуров в небесной синеве; о загадочности и ритме теней, падающих на дорожную пыль от деревьев; о разнице между воскресными прогулками и прогулками в будничные дни... Девиц из „Квисисаны“ Ремизов дружески называл „кикиморами“. К столикам завсегдатаев „кикиморы“ присаживались просто так, по знакомству, без задней мысли. Присядут, покалякают, выкурят папироску и отойдут»⁶⁵. Завсегдатаем этого ресторана был и поэт М. Кузмин. В октябре 1914 г. он записал в своем дневнике: «Обедали в издыхающей „Квисисане“».

Ресторан вошел в историю благодаря механическому буфету, появившемуся здесь в 1910-е гг. (т. е. буфету-автомату), который за монеты определенного достоинства выдавал закуски: салаты и бутерброды, что вызывало понятный интерес у публики⁶⁶.

Но помимо этого легкомысленного заведения, в доходном доме в предреволюционные годы располагались правление Жилловского общества каменноугольных копей и рудников, контора Торгово-промышленного акционерного общества «Л.И. Борковский», производящего станки для обработки металла и дерева⁶⁷, представительства Горско-Ивановского каменноугольного общества⁶⁸, Акционерного общества «Бахмутская соль»⁶⁹ и еще одного Акционерного общества Кузнецких каменноугольный копей⁷⁰. Здесь же, в 1915 г., размещалось Просветительское общество счетоводов имени Ф.В. Езерского, цель общества – «разработка и распространение счетоводческих знаний и взаимопомощи его членам». Общество выпускало еженедельный иллюстративный журнал «Счетовод». Его редактором и издателем являлся истинный сподвижник действительный статский советник Федор Венедиктович Езерский. При обществе были открыты курсы счетоводов⁷¹. На первом этаже дома работали мебельный магазин «С.Я. Розенберг и К^о», управляла которым Софья Яковлевна Розенберг⁷², в этом же доме Иосиф

Лаврентьевич Сувинский содержал свою парикмахерскую⁷³, а в годы Первой мировой войны в доме № 1/43 размещался городской лазарет⁷⁴.

По данным адресных книг «Весь Ленинград» за 1925–1935 гг., в доме проживали инженеры, юристы, преподаватели. Среди них С.С. Альперович, директор треста коммунальных бань⁷⁵, В.Н. Воробьев, представитель треста «Дон-Уголь»⁷⁶, Б.М. Аменицкий, юрист, и его жена А.М. Аменицкая⁷⁷, В.К. Жукова, преподаватель Ленинградского государственного университета, и ее муж Н.Л. Жуков⁷⁸, М.А. Муммер-Альперович, зубной врач⁷⁹, советские служащие И.С. Войшкорович, А.Д. Илларионов, В.Н. Кошкин, Н.Е. Крылов, Н.И. Курилло, С.М. Марков⁸⁰ и др.

В 1930-е гг. в доме № 1/43 размещались районный совет физической культуры (председатель О.Ф. Соваленкова), дошкольный комбинат и магазин головных уборов и мехов (директор И.И. Морозов)⁸¹. В путеводителе «Ленинград» за 1940 г. в доме № 46/1 по проспекту 25-го Октября (так тогда именовался Невский пр.) указан действующий ресторан («Квисисана»), в скобках указано его старое название⁸².

В послевоенные годы в здании располагался рыбный (за тем – продуктовый) магазин, интерьер которого в 1950-х гг. оформлял архитектор Е.И. Кршижановский⁸³. Позже на его месте работал магазин «Связной» и «Кофе Хауз». Со сторо-

ны улицы Рубинштейна – филиал аэрофлота. С 2013 г. первый этаж дома занимает итальянский ресторан-спагеттерия «Марчелли's». Со стороны улицы Рубинштейна размещаются «Бар Сайгон» и «Commode Self-cost Bar & Club».

Дом № 3

Следующий на нашем пути дом под № 3, бывший доходный дом подворья Троице-Сергиевой лавры. Четырехэтажный песочного цвета с длинным протяженным фасадом дом сохранил богатую декоративную отделку. Если его первый этаж, традиционно рустованный с замковыми камнями над окнами, – характерен для рядовой петербургской застройки второй половины XIX в., то оформление фасада со второго этажа по четвертый решено архитектором в стиле неоренессанса.

Дом № 3. Фото авторов, 2021 г.

Об этом свидетельствуют арочные окна, полукружия крупных арок, опирающихся на декоративные трехчетвертные колонны с коринфскими капителями, геометрический орнамент карниза, балконы 2-го и 3-го этажей, наконец аттики, венчающие здание и акцентирующие центр и боковые части фасада. По всему периметру двора располагаются боковые флигели, лишённые декоративных украшений. А в центре двора сохранился небольшой палисадник. Здание доходного дома подворья возведено в 1871–1872 гг. по проекту академика архитектуры, профессора Императорской Акаде-

мии художеств М.А. Макарова (1827–1873), автора еще трех домов на этой улице⁸³. Раньше здесь, как свидетельствует «Атлас тринадцати частей...», стоял одноэтажный дом, также принадлежавший подворью⁸⁴. По данным «Всеобщей адресной книги Санкт-Петербурга на 1867–1868 гг.», наиболее примечательными жильцами этого дома были сенатор, действительный тайный советник Федор Петрович Лубяновский и художник Александр Иванович Малышев. В указанной адресной книге встречаются имена жильцов из мастеровых: портного Василия Николаевича Бароненкова и резчика печатей Алексея Ивановича Борова⁸⁵. Построенный по заказу монастыря дошедший до нас доходный дом значительно пополнил монастырскую казну.

По адресным книгам «Весь Петербург» и «Весь Петроград» за 1894–1917 гг. удалось установить многих жильцов и арендаторов торговых и офисных помещений этого дома. Как видно из материалов первой из этих книг рубежа XIX–XX вв., социальный и национальный состав жителей доходного дома был очень пестрым. Большинство жильцов составляли купцы и чиновники. Так, В.Ф. Богданов, потомственный почетный гражданин, купец 2-й гильдии в начале XX в. проживал в этом доме с женой Натальей Михайловной, старшим сыном Сергеем и его женой Александрой Ивановной, еще одним сыном Михаилом, дочерьми Ксенией и Еленой. Продолжив дело отца, Федора Васильевича Богданова,

Василий Федорович владел магазинами обуви в Гостином Дворе № 1 и № 16 (по Перинной линии), а также складом внутри двора. Специализировался он на продаже мужской обуви⁸⁶. Еще один жилец дома, временный купец Н.Н. Исаков, занимался суровской торговлей, а его жена А.В. Исакова – торговала дамскими шляпами⁸⁷, купец – Е.Э. Тюрсиг, потомственный почетный гражданин, занимался продажей стали и жести⁸⁸, М.П. Орешников вел кожевенную торговлю в доме на Фонтанке, 53⁸⁹, а А.А. Краусп содержала табачную лавку⁹⁰. В самом доме № 3 в 1890-е гг. открылись меняльная лавка временного купца 1-й гильдии А.С. Полуэктова, галантерейный магазин В.О. Липпе⁹¹, лавка мелочной торговли А.А. Варгунина⁹², трактир В.А. Шестакова⁹³, книжный магазин купчихи М.И. Бортневской⁹⁴.

В конце XIX в. в доме проживали также служащие банков: потомственный почетный гражданин Н.Д. Боткин (Государственный банк)⁹⁵, дворянин Раас Гвидо (Волжско-Камский Коммерческий банк), чиновники IV Департамента Правительствующего Сената Л.Л. Герваген и хозяйственного управления Святейшего Синода П.И. Орлов⁹⁶, действительный статский советник П.Н. Топоров⁹⁷, контролер Министерства Императорского двора И.А. Горностаев (брат Н.А. Горностаева, в то время архитектора Зимнего дворца)⁹⁸, и председатель Общества для содействия русской промыш-

ленности и торговли А.П. Величковский, он же – редактор-издатель журнала «Голос землевладельцев», редакция которого также располагалась в этом же доме⁹⁹. Скорее исключением из общего числа обитателей доходного дома подворья были военные: поручик лейб-гвардии Семеновского полка В.В. Витковский, подпоручик Главного интендантского управления А.Н. Матвеевко¹⁰⁰, а тем более мастер завода Яковлева П.К. Гакер¹⁰¹. Многие годы в доме жил практикующий врач-гомеопат В.А. Рипке, работающий в лечебнице во имя Михаила Архангела¹⁰². К его судьбе и судьбе его потомков мы еще вернемся.

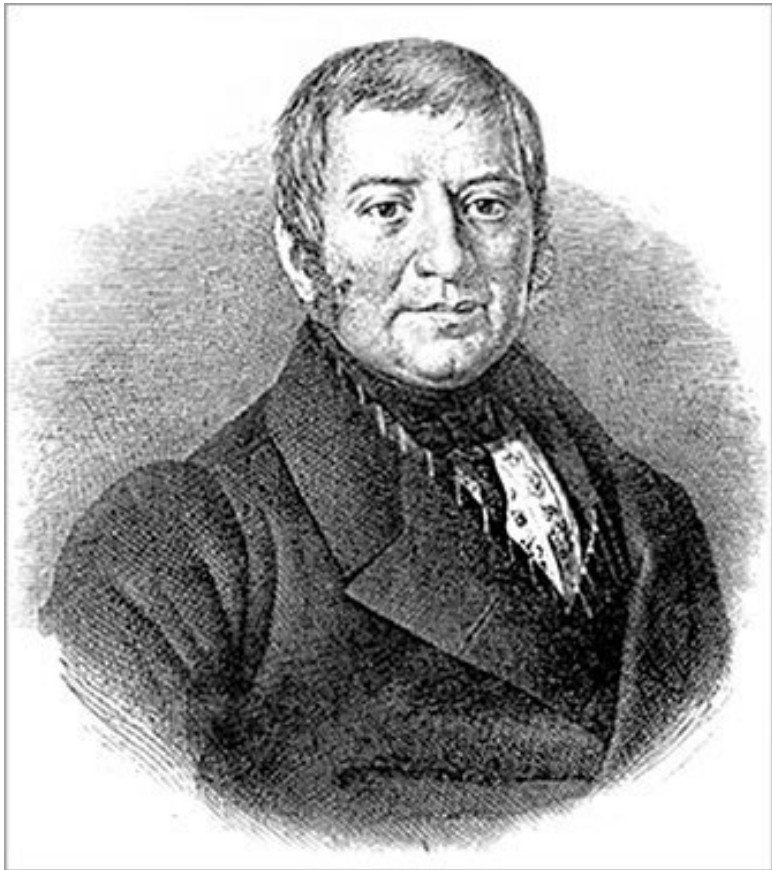
Но, пожалуй, лишь один из жильцов этого доходного дома на рубеже веков оставил заметный след в истории города. Это Илья Иванович Глазунов, потомственный дворянин, гласный Городской думы, известный книготорговец¹⁰³.

Илья Иванович – правнук основателя династии Матвея Петровича Глазунова (1757–1830), державшего книжную лавку сначала в Москве, а в 1783–1784 гг. открывшего книжную торговлю в Санкт-Петербурге, где делом руководил его брат Иван Петрович (1762–1831). Последний в 1785 г. открыл самостоятельное дело, в 1790 г. начал издание книг, в 1803 г. завел собственную типографию. С 1790-х гг. И.П. Глазунов становится комиссионером княгини Е.Р. Дашковой, а с 1827 г. – Петербургской Академии наук. Его преемником стал сын Илья Иванович Глазунов (1786–1849), ко-

торый окончил Академическую гимназию, в 1832 г. пожалован в потомственные почетные граждане, специализировался на издании произведений русских писателей, учебной литературы. В 1840-х гг. – председатель Петербургской купеческой управы. Затем фирму в течение 40 лет возглавлял сын последнего – Иван Ильич Глазунов (1826–1889), который сочетал предпринимательскую деятельность с общественной – занимал должность гласного петербургской Городской думы (1852–1881 гг.), а затем и городского головы (1881–1885 гг.), одновременно в 1861 г. избран членом правления Государственного банка от купечества, директором Санкт-Петербургского городского кредитного общества и членом совета Петербургского коммерческого училища. С 1856 г. – директор Петербургского дома милосердия, а с 1872 г. – член совета торговли и мануфактур Министерства финансов. За эти заслуги в 1870 г. возведен в потомственное дворянство, в 1885 г. получил чин действительного статского советника. Похоронен он в Троице-Сергиевой пустыни¹⁰⁴

В делах фирмы принимали участие и его братья: Константин (1828–1914; отец композитора А.К. Глазунова) и Александр (1829–1896), вскоре открывший свое дело. Оба в 1882 г. также возведены в потомственное дворянство в связи со 100-летием фирмы. Наследником Ивана Ильича Глазунова стал его сын, жилец дома № 3 по Троицкой улице, Илья Иванович Глазунов (1856–1913), окончивший в 1873 г. Петербургское коммерческое училище. В 1890 г. Константин

Ильич и Илья Иванович Глазуновы преобразовали фирму в «Торговый дом И. Глазунов» и владели им как компаньоны. Илья Иванович с 1881 г. неоднократно избирался гласным петербургской Городской думы. С 1890-х гг. в делах фирмы активно участвовал Михаил Константинович Глазунов, который окончил Петербургское коммерческое училище (1889 г.), посещал вольнослушателем лекции на юридическом факультете Петербургского университета и с 1914 г. вел дело совместно с сыном Ильи Ивановича – Александром Ильичом Глазуновым. За 135 лет фирма Глазунова издала около 900 названий книг (главным образом произведений русских писателей и поэтов, а также учебники и научные труды). Фирма Глазуновых размещалась на Казанской ул., 6, 8 и 10 (там же помещалась типография, словолитня, брошюровочная и переплетная мастерские). Как отмечает И.Е. Баренбаум «...уникальность фирмы Глазуновых, просуществовавшей 135 лет, заключалась в том, что все эти годы она оставалась чисто семейным предприятием, обходясь без привлечения акционерного капитала – редчайший случай в России»¹⁰⁵. Главный магазин Глазуновых находился на Садовой ул., 20, с 1900 г. – на Невском пр., 27, после 1917 г. имущество Глазуновых национализировали. Но вернемся к истории дома.

И.И. Глазунов

В 1890-е гг. в доме № 3 по Троицкой улице размещались конторы акционерных обществ и товариществ, таких

как «Нобель и братья» (оно осуществляло торговлю керосином) и «Конно-железных дорог в Санкт-Петербурге», управляющим его был Е.И. Дюпон¹⁰⁶, генеральный консул располагавшегося в этом доме генерального консульства Швейцарии и президент Швейцарского благотворительного общества¹⁰⁷.

Если генеральное консульство Швейцарии так же, как и Товарищество Конно-железных дорог, и через 5 лет по-прежнему размещались в доме по Троицкой ул., 3, то состав его жильцов значительно изменился, за исключением вдовы генерала от инфантерии Е.С. Куприяновой, Санкт-Петербургского 1-й гильдии купца А.С. Полуэктова и владелицы табачной лавки, а позже и красильни Антонины Антоновны Краусп¹⁰⁸.

В 1899 г. здесь проживали отставные военные, генерал-майор Н.А. Гладкий³⁸ и полковник П.А. Кривцов с женой¹⁰⁹, а также чиновники: титулярный советник В.В. Рогге¹¹⁰, надворные советники В.И. Глухов, служивший в Главном управлении уделов¹¹¹, Н.А. Келлер, чиновник особых поручений при Министре финансов, член Правления Волжско-Камского Коммерческого банка¹¹², А.А. Набатов, чиновник Главного интендантского управления¹¹³. В управлении Казенных железных дорог служила Е.С. Кларк¹¹⁴, а в службе сборов Юго-Западной железной дороги – дочь ка-

питана К.И. Угличанинова¹¹⁵. И.Г. Гордеев работал счетоводом службы пути С-Петербургско-Варшавской железной дороги, последний еще и владел собственным доходным домом на Бармалеевой ул., 11¹¹⁶. Среди жильцов дома в адресной книге указаны также Н.С. Горкуша, владелец типографии «Горкуша и К^о»¹¹⁷, практикующий врач, член Медико-филантропического комитета А.А. Лучинский и ветеринарный врач Н.В. Макаровский¹¹⁸, инженер-технолог Л.Е. Жаллан-де-ля-Кроа, член Императорского Русского технического общества¹¹⁹. Несколько жильцов дома трудились на поприще образования. Так, вдова коллежского советника Е.В. Гутман основала частную библиотеку, располагавшуюся в этом же доме¹²⁰, Е.Н. Гурьева возглавляла Общество попечения о воспитании и помощи учителям в России, а артист Императорского Мариинского театра В.Ф. Левинсон был востребован как учитель танцев¹²¹. Колоритной фигурой среди жильцов дома был Ф.Э. фон Ландезен, начальник команды С-Петербургского пригородного Добровольного Пожарного общества¹²².

Очередное заметное обновление жильцов этого дома произошло в предреволюционные годы. В адресной книге «Весь Петроград» встречаются и имена старожилов дома: практикующего врача-гомеопата В.А. Рипке, работавшего в Василеостровской и Невской лечебницах, а также в Петроград-

ском благотворительном обществе¹²³, владелицы красильни А.А. Краусп¹²⁴, более четверти века, говоря современным языком, занимавшейся в доме «малым бизнесом», коллежского секретаря А.С. Горкуши и его жены Ольги Андреевны, вдовы генерала от инфантерии Е.С. Куприяновой¹²⁵.

В 1910–1917 гг. в доме проживал отставной генерал-майор А.С. Хрулев¹²⁶. О нем хочется рассказать подробнее. Обратимся к его послужному списку. Александр Степанович (1849 г. р.) сын прославленного боевого генерала Степана Александровича Хрулева, участника многих военных кампаний, награжденного золотым оружием за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Такой же высокой награды за проявленное мужество в той же войне удостоен и старший брат А.С. Хрулева – Николай Степанович, дослужившийся, как и отец, до звания генерал-лейтенанта. Что касается Александра Степановича, его военная биография не столь блестяща. После окончания Пажеского корпуса (1867 г.) служил в лейб-гвардии Уланском полку, постепенно поднимаясь по ступенькам офицерской карьеры: с 1881 г. – ротмистр гвардии кавалерии, с 1889 г. – полковник, и наконец с 1899 г. – генерал-майор. С 1901 г. А.С. Хрулев «генерал для поручений» при командующем войсками Варшавского военного округа¹²⁷. В доме на Троицкой улице Александр Степанович жил с женой Павлой Ивановной, братом Дмитрием Степановичем, статским советником в звании камер-юнке-

ра, земским гласным Волынской губернии¹²⁸. Еще один брат – Сергей Степанович Хрулев, действительный статский советник, председатель Петроградского Международного коммерческого банка, проживал по соседству на той же Троицкой улице, в доме № 8¹²⁹. Соседями Хрулевых были В.И. Поздняков, потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник¹³⁰, Д.Ю. Кареев, коллежский секретарь, инженер путей сообщения, ответственный редактор журнала «Известия собрания инженеров путей сообщения» (проживал в доме вместе с женой С.Ф. Киреевой-Ерошкиной).

По-прежнему значительный процент жильцов дома составляли чиновники: Л.А. Мустафин, действительный статский советник, чиновник особых поручений при Министре земледелия, Н.И. Солодухин, управляющий банком, Л.Н. Фуфаев, коллежский секретарь, зав. Отделом зернохранилища Петроградского Государственного банка¹³¹, коллежские асессоры, их жены и дочери: Г.А. Гельцер, А.Э. Герке¹³² и др.

В предреволюционные годы значительно выросло число проживавших в доме представителей Петербургского купечества: это и потомственный почетный гражданин Н.И. Аржанинов, и уже упомянутая ранее целая купеческая семья во главе с потомственной почетной гражданкой Н.М. Богдановой, проживавшей здесь с дочерьми Еленой и Ксенией Васильевнами, купцы И.В. Травин, И.М. Шишкин¹³³; вдо-

ва потомственного почетного гражданина А.А. Ветошкина, учредительница и попечительница ремесленного приюта для девочек, председательница попечительной богадельни в память Т.С. Полежаевой¹³⁴, ведь как никогда до этого, большое число проживающих в доме были связаны с образовательной, просветительской и благотворительной деятельностью, которой, помимо уже названной благотворительницы А.А. Ветошкиной, много времени уделяли Л.И. Якубова, вдова титулованного советника, секретарь и казначей Ремесленного приюта для девочек¹³⁵. Благородному учительскому труду посвятили свою жизнь брат и сестра Рудницкие. Михаил Яковлевич преподавал в известном 8-классном коммерческом

училище в Лесном, Евгения Яковлевна – в женской гимназии Михельсона. Еще один педагог, И.А. Серебряков, вел занятия в Александровском училище и Техническом училище при Балтийском судостроительном заводе¹³⁶.

В начале XX в. многие женщины активно включались в общественную деятельность. Так, работу в 1-м отделении Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов проводила дочь статского советника Е.Г. Харлампович¹³⁷.

Среди жильцов дома особо следует выделить дочь священника А.И. Шестову – геолога и минеролога. Анна Ивановна работала в Музее имени Петра Великого (т. е. Кунст-

камере). Вместе с ней в доме жила ее сестра Екатерина Ивановна¹³⁸. В предреволюционные годы в доме проживали: А.А. Эрлер (Львова), актриса Императорского Александринского театра (вместе с ней жил ее муж Е.Е. Эрлер)¹³⁹ и Н.Г. Сергеев, главный режиссер балетной труппы Императорского Мариинского театра. В одной квартире с ними проживали сестры – девицы Александра и Анна Григорьевны Сергеевы¹⁴⁰.

По данным адресной книги «Весь Петербург» за 1914–1917 гг., в этом доме размещались контора Товарищества по оптовой торговле семян «А. Вернер и К^о» и семенной магазин, владельцем которого являлся сам Александр Адольфович Вернер¹⁴¹. Красильня не раз упомянутой ранее Антонины Антоновны Краусп четверть века обслуживала не только жителей Троицкой, но и всех прилегающей к ней улиц¹⁴², здесь же располагались мелочная лавка А.А. Варгунина и мясная лавка И.С. Леонтьева¹⁴³.

Свой след в истории дома оставила и Первая мировая война. Здесь, как и в соседнем доме, размещался городской лазарет для раненых воинов под № 60¹⁴⁴. Управлял домом в предреволюционные годы иеромонах Софроний – настоятель подворья¹⁴⁵.

Подворье закрыли в июне 1923 г., и позже его перестроенное здание на Фонтанке передали Центральной публич-

ной городской библиотеке им. В.В. Маяковского¹⁴⁶. Доходный же дом подворья, национализированный в первые послереволюционные годы, зажил своей самостоятельной жизнью. После национализации дома в нем, как и повсюду в Петрограде, начался процесс уплотнения, следствием которого стало образование многонаселенных коммуналок, наследие которых не изжито до настоящего времени. Среди новых жильцов, имена которых мы установили по адресным книгам «Весь Ленинград» с 1924 по 1935 г., – инженеры, преподаватели, счетоводы, бухгалтеры, железнодорожники, музыканты¹⁴⁷.

Следует отметить, что некоторые жильцы дома, жившие здесь еще с конца XIX в., пережили многие драматические события XX в. Об этом свидетельствует, например, судьба многократно упоминавшегося врача-гомеопата Владимира Альбертовича Рипке и его сына Николая Владимировича, проживавших в квартире № 15.

Помимо указанных ранее адресных книг, информация о них содержится в «Списке членов Русской общины имени Иисуса Христа христиан Евангелическо-Лютеранского и Реформатского вероисповеданий на 1 апреля 1924 года», хранящемся в ЦГА СПб¹⁴⁸, а также в известном списке Эриха Амбургера¹⁴⁹.

Представители семьи Рипке (Ripke) – выходцы из Балтии, остзейские немцы. Владимир Альбертович Рипке родился в

1862 г., в 1889 г. завершил образование и, начиная с 1890 г., работал практикующим врачом. Гомеопатией стал заниматься с 1912 г., а в 1916 г. открыл собственную клинику и стал одним из учредителей Петроградского благотворительного общества врачей-гомеопатов¹⁵⁰.

Как отмечалось в адресной книге «Весь Петроград» за 1916 г.: «...целями общества были научная (медицинские собрания, лекции и т. д.) и благотворительная (открытие лечебниц, бесплатный отпуск лекарств). Общество имело аптеки и 2 лечебницы». Владимир Альбертович был кассиром этого общества. Аптека и лечебница для проходящих больных, в которой ежедневно, от 10 утра до 14 часов, вел прием доктор Рипке, размещалась на Невском пр., 82¹⁵¹. Больных он принимал и в доме № 3, «в квартире 34, по понедельникам, средам и субботам от 6 до 8 часов вечера с платою 30 копеек за совет врача»¹⁵².

В доме на Троицкой улице Владимир Альбертович проживал со своей семьей. В 1891 г. он женился на Юлии Борнштейн. В этом браке 16 декабря 1891 г. родился старший сын Пауль, который с 1911 по 1916 г. учился в Дерпте¹⁵³. Врачом-гомеопатом стал младший сын – Николай Владимирович (1897 г. р.). Специализировался доктор, видимо, на лечении геморроя, о чем свидетельствует Каталог гомеопатической литературы на русском языке. Труд Н.В. Рипке назывался «Геморрой и лечение его гомеопатическими средства-

ми. Краткое изложение сущности причин и способов лечения этой болезни»¹⁵⁴. В советское время начиная с 1918 г. Николай Владимирович находился «на действительной военной службе», воевал на фронтах Гражданской войны, а с 1933 г. началась его служба на флоте. Впоследствии Н.В. Рипке стал кадровым морским офицером¹⁵⁵.

Но была еще одна грань личности Рипке-младшего, не совсем укладывающаяся в представление о советском офицере. Молодым человеком, в 26 лет, он примкнул к созданной в 1923 г. Русской общине имени Иисуса Христа Лютеранского и Реформаторского вероисповедания. В 1929 г. эта община получила в свое пользование здание лютеранской церкви Св. Михаила на Среднем проспекте Васильевского острова. С первых дней своего членства в общине Николай Рипке проявил себя активным прихожанином. 6 сентября 1923 г. и в мае 1924 г. он ведет протокол «общего собрания учредителей»¹⁵⁶. Его имя за № 1 стоит среди 11 членов инициативной группы Русской общины на заявлении в Отдел Управления Петрогубисполкома от 27 августа 1923 г.¹⁵⁷

Сложно определить, сколько времени Н.В. Рипке находился среди лютеран. Быть может, с началом репрессий в 1929 г., или даже раньше, он покинул приход и стал тайным верующим или вообще отошел от Церкви. Тем более, он кадровый военный, а быть христианином в то время было небезопасно.

Из воспоминаний дочери Ирины известно, что на Троицкой ул., 3, он жил с женой Еленой Алексеевной и ребенком. По крайней мере, до 1930-х гг. В адресных книгах Ленинграда за 1934 и 1940 гг. его имя вообще отсутствует. Еще до войны семья переехала на Невский пр., 102. Во время войны Рипке служил на Балтийском флоте¹⁵⁸, начальником финансовой части Управления тыла Балтийского флота. Дослужился до звания майора интендантской службы, награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красной Звезды.

«В работе трудолюбив, – писало командование, давая характеристику Н.В. Рипке. – Лично дисциплинирован. К порученному делу относится не по-казенному, а с полной отдачей всех своих способностей и желаний». «С первых дней Отечественной войны т. Рипке исполняет обязанности начальника финансовой части Управления Тыла ЛВФ. Благодаря своему исключительному трудолюбию и знанию дела не имел ни одного срыва финансового обеспечения довольствующихся воинских частей. Во время передислокации из Шлиссельбурга в Новую Ладогу, из Новой Ладоги в Ригу и из Риги в Курессааре т. Рипке финансовую работу не прекращал, а находил возможности обеспечивать выплату денежного содержания личному составу, находящемуся в разных городах, и производить денежные операции отделений тыла с поставщиками. На всем протяжении своей службы на КБФ

т. Рипке не имел замечаний ни по работе, ни по дисциплине, являясь по существу образцовым офицером в этих вопросах»¹⁵⁹.

После войны Николай Владимирович работал бухгалтером. Дополнительная информация об этом человеке неожиданно открылась в книге Натальи Леонидовны Ивановой (доцента РГПИ им. Герцена) «История малой Родины – Сестрорецк». Дело в том, что дочь Н.В. Рипке Ирина Николаевна после войны переехала в Сестрорецк. Здесь она работала учителем географии в школе № 434, активно занималась общественной работой: возглавляла отделение общества Красного Креста, была членом общества «Знание» и читала лекции в цехах Инструментального завода имени С.П. Воскова. Ирина Рипке ушла из жизни в 2010 г.

Об Ирине Рипке в этой книге написано немного. В частности, что она родилась 20 декабря 1922 г. в Ленинграде, таким образом, подтверждается, что Троицкая ул., дом 3, кв. 15 в детстве был и ее адресом¹⁶⁰.

Дом № 3 по улице Рубинштейна связан и с именем М.Е. Бульмеринга – родственника архитектора К.К. Бульмеринга, по проекту которого возведено упомянутое ранее здание кирхи Святого Михаила на Васильевском острове. В своих «Воспоминаниях», выложенных на сайте Архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, описывая события 1918 г. в Петрограде, Михаил Евгеньевич пишет о своем переезде из Царского Села, где на Средней улице он имел дом

№ 5, на квартиру матери: «Днем, сдав ключи заведующей приютом, грустные, побродив последний раз по комнатам, где мы так хорошо, роскошно и мило жили, где провела детство наша Ирина (дочь М.Е. Бульмеринга. – *Авт.*) и где мы были 16 лет так счастливы, покинули и переехали в Петербург на Троицкую, дом 3, кв. 6, к моей матери. Очень тяжелое чувство переживали мы, покидая собственный дом, я чувствовал, что не вернусь в него более. Квартира моей матери была довольно большая, и нам места было довольно».

Из дальнейшего описания становится известно, что в этом доме был парадный вход и черная лестница. В советское время в доме появился заведующий, которому жильцы, уходя, сдавали ключи от своих комнат.

Свой быт в 1920 г. Бульмеринг описывает так: «Летом мы рубили барки на Фонтанке по колено в воде, запасаясь дровами на зиму. Таскали огромные доски – чурбаны в 5-й этаж и с Ириной пилили по ночам. В квартире я сжег две двери за неимением топлива. За водой ходили в нижний этаж по три-пять раз в день, а лестница в 123 ступени. Поселили у нас коммунистов, и тут приходилось переносить унижения, открывая им входные двери и убирая уборную, и очень осмотрительно разговаривая»¹⁶¹.

В 1920 г. семья Бульмеринг под чужой фамилией бежала в Ригу к родственникам. Мать Михаила Евгеньевича Бульмеринга, вдова героя Крымской войны и генерал-губернатора Керчи, умерла в ночь на 18 сентября 1920 г. и с большими

трудностями была похоронена в склепе рядом с церковью на Смоленском армянском кладбище.

О своей матери Бульмеринг писал так: «Моя мать, София Герасимовна Бульмеринг, урожд. Сумбатова, дочь полковника и внучка генерала, тоже из военной семьи, которые воевали с горцами. Князя Сумбатовы из армян, и предок матери (очень дальний) последний царь армянский»¹⁶².

На сайте «Офицеры русской императорской армии» содержится информация об авторе воспоминаний: «...даты жизни 23.05.1863–1941, лютеранин, общее и военное образование получил в Пажеском корпусе, был выпущен корнетом в 44-й Драгунский нижегородский полк. К 1913 г. дослужился до звания полковника. В годы Первой мировой войны выполнял должность штаб-офицера для поручений V класса сверх штата при Главном управлении Государственного коннозаводства. В эмиграции жил во Франции. В 1936 г. был избран председателем Полкового объединения. Умер в Брюсселе. Награды М.Е. Бульмеринга: ордена Святой Анны III степени (1904 г.), Святого Станислава II, I степеней (1905 г.), Святого Владимира IV степени (1916 г.)».

Такова судьба двух лютеранских семей, проживавших в доме № 3 по Троицкой улице.

В адресных книгах «Весь Ленинград» за 1925–1926 гг. нам встретилось имя еще одного старожила дома, вдовы врача, Шарлотты Ивановны Адамс, проживавшей здесь с до-революционных времен¹⁶³. В 1920-х гг. в доме проживали

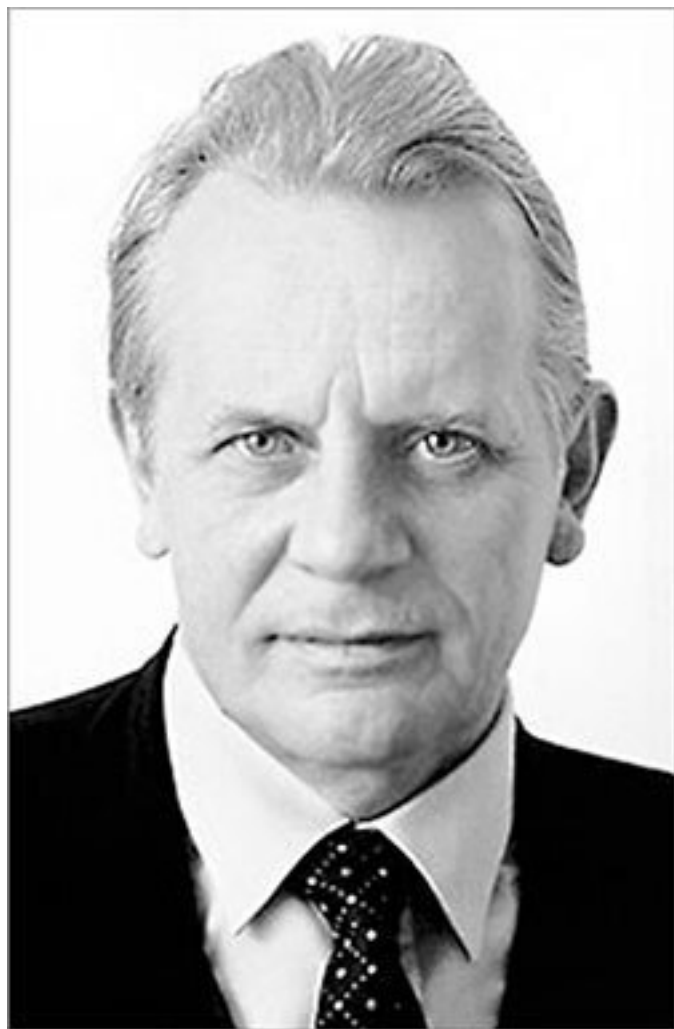
врач С.И. Базаревкая¹⁶⁴, артист А.Г. Богданов¹⁶⁵, советские служащие В.К. Анжар, А.И. Акимов, И.Ш. Басс¹⁶⁶. В 1930-х гг. проживали инженеры В.Б. Битенский¹⁶⁷ и Л.В. Пашков¹⁶⁸, технолог А.А. Каперт и врач М.А. Петров¹⁶⁹, музыкант К.Н. Кондратьев, преподаватель О.Н. Левакоская, бухгалтеры И.В. Мелузов и П.С. Норкин¹⁷⁰, портниха Е.М. Лахомина и счетовод Н.А. Волков¹⁷¹, служащая Мурманской железной дороги Т.И. Коваленко¹⁷².

В адресных книгах «Весь Ленинград» нам не раз встречалось имя Ольги Александровны Горкуша, предки по линии мужа которой проживали в этом доме с конца XIX в.¹⁷³

Конечно же, этими именами не исчерпывается список выявленных нами в ходе поиска жильцов дома. Но на одном из них хочется остановиться особо. Речь идет об Ольге Анатольевне Макаровой¹⁷⁴, занимавшей скромную должность чертежницы. Она – мать будущего выдающегося артиста балета Аскольда Макарова. С этим домом связаны первые 20 лет его жизни: детство, отрочество, юность.

Он родился 3 мая 1925 г. на Волге, в местах поистине былинных. Стоящий на возвышенности хутор Ново-Массальское Тверской губернии, принадлежавший предкам Макаровых, окружали поля, перелески. К одноэтажному деревянному дому с двумя флигелями вела тенистая аллея берез и дубов – непременно украшение родовых гнезд. Да и имя ему

дали древнерусское – Аскольд. Через год после рождения сына его мать Ольга Анатольевна переехала в Ленинград. Вместе с ними в наш город перебрались ее родная сестра Зинаида с сыновьями Анатолием и Арсением, двоюродными братьями Аскольда. Зимой дружная семья обитала в огромной комнате в пятикомнатной коммунальной квартире № 5. Как пишет автор монографии, посвященной Аскольду Макарову, М.А. Ильичева: «Детям, жилось весело. Взрослые, еще совсем молодые, то и дело устраивали для них игры, танцы, костюмированные вечера. Зинаида была великой выдумщицей и мастером на все руки. Часто приходила в гости тетя Аскольда Анна Михайловна Щевелева, старинный друг семьи. Она работала в театральных пошивочных мастерских на улице Зодчего Росси. Там же помещалось Хореографическое училище и репетиционный зал балетной труппы Академического театра оперы и балета. Анна Михайловна была замечательным костюмером, шила „пачки“ балеринам, в том числе самой Марине Семеновой. Она-то и начала водить Аскольда с братьями в музыкальные театры. Это с ее легкой руки все трое стали позднее артистами балета»¹⁷⁵.

Настало время идти в школу. Ближайшая общеобразовательная школа располагалась на Фонтанке в монументальном здании бывшего Екатерининского института, построенном по проекту Джакомо Кваренги (ныне филиал Российской Национальной библиотеки). Здесь Макаров проучился недолго – всего один год. В 1933-м его приняли в Хореографическое училище. М.А. Ильичева рассказывает в своей книге об обстоятельствах, предшествующих этому судьбоносному для Аскольда Макарова событию: «Мальчик и не понял хорошенько, что еще до приема он с тетей Анной Михайловной бывал в квартире на Бронницкой улице у самой Агриппины Яковлевны Вагановой – художественного руководителя балетной труппы Академического театра оперы и балета, педагога ведущих балерин. Что это она заставила его натянуть ногу, оглядев пронзительным и ясным взором; спросила, как он вообще учится, и, услышав, что мальчик ленится читать, усмехнулась и, чуть шепелявя, заметила, что с мальчишками это бывает. Вероятно, Ваганова одобрила данные Аскольда. Во всяком случае, он попал в списки принятых»¹⁷⁶.

Удивительно, но в будущем выдающийся артист балета на первых порах особой тяги к танцам не чувствовал. Он коллекционировал спичечные коробки, играл в «чижика»... Но мать, не строя далеко идущих планов, хотела, чтобы сына

научили двигаться, избавили от некоторой косолапости. Аскольда соблазняли участием в спектаклях, которые ему так нравились, что он согласился.

«В одном классе с ним – пишет М.А. Ильичева, – оказались Маша Мазун, Люба Войшнис, Игорь Бельский. Наперник детских проказ и юношеских авантю Аскольда – Игорь Бельский, впоследствии превратился в видного характерного танцовщика, а затем и хореографа. В Макарове Бельский увидел героя первого своего балета.

Но пока они были просто мальчишками и девчонками. С девяти утра и до четырех-шести вечера за толстыми каменными стенами творения Карла Росси они мечтали о свободе улиц, скверов, дворов. После уроков они выбегали в темные сводчатые коридоры и играли в футбол. Мяч заменяла кощунственно согнутая пополам балетная туфля».

Питомцы балетной школы назывались тогда воспитанниками, и название было неслучайным. Проходя по коридорам, педагоги и артисты не упускали случая сделать замечание ученику, не поклонившемуся учителю. Здесь прививалось почтение к старшим, уважение к их знаниям, опыту...

Издавна в Хореографическом училище по основной дисциплине выставляются три оценки: первая – за профессиональные данные, вторая – за отношение к делу, третья – за успехи. У первоклассника Макарова отметки были однозначны.

Но где-то в середине года между двойками вклинилась

скромная тройка, затем все двойки обернулись тройками, а на экзамене и вовсе произошло чудо: комиссия, в которую входили именитые педагоги, известные танцовщики, преподающие в училище, поставили Макарову четыре, что случается в первом классе нечасто.

Рывок из отстающих в лидеры выявил острое желание мальчика двигаться вперед. Да и природные данные оказались не так уж плохи. Достоинством Макарова стал «большой шаг» – балетная категория, оценивающая высоту, на которую танцовщик или танцовщица способны поднять вытянутую ногу. А поняв кое-что в сути специальных упражнений, Аскольд старался выработать недостающие качества.

Со второго года обучения он вместе с одноклассниками стал участвовать в спектаклях Академического театра оперы и балеты (ГАТАБа). Особенно почетных партий на его долю не выпадало. В балете «Щелкунчик», где состоялся первый выход Макарова на сцену, классической партии маленького кавалера в *pas de trois* ему не поручили. Как большинство сверстников, он натягивал на себя серый комбинезон с пришитым сзади хвостом, надевал ушастую и усатую голову-маску и топтался на сцене вместе с другими подданными Мышиного короля. В костюме и маске было жарко, хвост путался в ногах, но Аскольд с азартом играл в сказочную военную игру.

Многим балетам требовались два мальчишки: в прологах «Ледяной девы» и «Утраченных иллюзий», в «Дон Кихоте».

Основная задача этих мальчишек – быть активными зрителями разворачивающегося действия. Здесь Макаров привык к сцене, чувствуя себя одним из многих, но тоже важных соиздателей театрального зрелища.

«Первым настоящим танцем, в котором выступил Макаров, пишет его биограф, была детская мазурка из балета „Пахита“. Первый раз ученик Макаров выступил в этой мазурке в 1935 году в Доме писателя и запомнил это на всю жизнь, потому что среди публики был сам Корней Чуковский. Будучи учеником третьего класса, Макаров танцевал детский танец в последнем действии балета Л. Лавровского „Фадетта“, который шел на сцене Малого оперного театра. В 1938 году В. Вайнонен возобновил „Раймонду“, где Макаров изображал одного из сарацинских мальчиков.

Наступал переходный возраст. Аскольд начал вытягиваться. К „маленьким“ он уже не подходил по росту, а в „большие“ не мог быть зачислен как ученик средних классов...

В средних классах на переменах уже не играли в футбол. На скользких паркетных полах, покрытых красной мастикой, которая пачкала балетные туфли, каждый по очереди вертел пируэты. Остальные считали число поворотов, замечали недостатки формы. Это была увлекательная игра, дополнительная тренировка и учеба одновременно.

На старших курсах Аскольду Макарову не раз пришлось выступать как в шедеврах старинного репертуара, так и в постановках современных балетмейстеров. Среди преподава-

телей, сыгравших заметную роль в становлении юного танцовщика, были Л.С. Петров, солист Академического театра оперы и балета, А.И. Пушкин, исполнитель сольных и ведущих партий в классических балетах, Н.А. Иосафов и Н.П. Ивановский – ветераны петербургско-ленинградской сцены. (Н.П. Ивановский позже многие годы был художественным руководителем училища). А.В. Лопухов, сотрудник своего старшего брата балетмейстера Федора Лопухова, Б.В. Шавров, видный классический танцовщик»¹⁷⁷.

До выпуска оставалось два года, когда грянула война... Новый учебный год начался уже в деревне Платошино, недалеко от Перми, куда эвакуировалось училище совместно с Театром оперы и балета имени С.М. Кирова. Здесь не было рядом родителей, домашнего уюта, залов, удобных для танцев. Но занятия продолжались... В выпускном спектакле в Перми Аскольд Макаров с успехом выступил с вариацией Зигфрида из «Лебединого озера»... В 1943 г. пришла радостная весть о прорыве блокады Ленинграда. А вскоре к Аскольду приехала мать, о которой он долгие месяцы ничего не знал. Ольга Анатольевна рыла окопы на подступах к городу, готовила оборонные маскировочные средства в огромной мастерской под крышей Кировского театра, в зале имени театрального художника А.Я. Головина, где раньше писались декорации.

А в 1944 г. получен приказ о реэвакуации и балетные артисты вернулись домой в родное здание на Театральной пло-

щади и в репетиционный зал на улице Росси. Тогда же Аскольд Макаров с братьями снова вернулся в свой дом на улице Рубинштейна¹⁷⁸. С этим домом связаны и первые партии, исполненные А. Макаровым на сцене Кировского театра. В 1946 г. на премьере «Золушки» он выступил в классической вариации четырех сверстников принца. В «Весенней сказке» молодой артист вышел уже в «двойке»: Северный (Макаров) и Южный ветер (В. Рязанов) налетали на Доброго молодца, забредшего в лес. В «Бахчисарайском фонтане» Макаров танцевал в «двойке» юношей, соревновавшихся в фехтовании. В 1947 г. Макаров принял участие в смотре творчества молодежных театров РСФСР, выступив в партии Геня из «Конька-Горбунка» – одной из труднейших в мужском репертуаре. Успешно пройдя все туры смотра. Он стал его лауреатом. Впереди танцовщика ждали новые вершины (непревзойденные партии в балетах «Спартак» и «Клоп»). Таким образом, дом № 3 на улице Рубинштейна связан с начальным, но очень важным периодом жизни Аскольда Макарова – этапом становления мастера¹⁷⁹.

Многие годы спустя после переезда танцовщика на новое место жительства в доме на улице Рубинштейна продолжали жить его двоюродные братья Анатолий и Арсений, также талантливые артисты балета, выступавшие и на сцене Кировского театра, и в танцевальном ансамбле Гербека...¹⁸⁰

Еще об одном обитателе дома, историке античного ми-

ра, своем учителе М.Н. Ботвиннике, рассказала автор очерка о Троицком переулке Н.Р. Левина в уже ранее цитируемой книге «В одном из переулков дальних». Она пишет, что: «... до сих пор на медной табличке квартиры 10 можно прочитать: Марк Наумович Ботвинник. У него не было высоких титулов и ученых степеней, после него осталось не много печатных трудов, но он был значительным и, как сейчас говорят, „знаковым“ явлением русской культуры второй половины XX в. Он оказал очень сильное влияние на своих слушателей и собеседников, а через них – и на тех, кому уже не пришлось его видеть и слышать».

Он преподавал латынь в Педагогическом институте им. Герцена, а в 1950-е гг. в 189-й женской школе, и автору цитируемой книги посчастливилось быть его ученицей.

«Ему, – как отмечает Н.Д. Левина, – было тогда 35–36 лет. И нам, пятнадцати- и шестнадцатилетним, он казался пожилым человеком. Он был очень худой, очень высокий, сутулый от своего роста и худобы.

В нем не было ничего типично учительского: важности, значительности, властности, строгости. Это был чудак, Кюхля, человек другой породы. Сам предмет его казался чудачеством в нашей советской школе. Мы тогда ничего не знали о своем учителе, кроме того, что его дочки-двойняшки, Эмма и Наташа, учатся в нашей школе, в третьем классе. Мы понятия не имели, что он сидел в лагере, что у него туберкулез и что умные, образованные люди, не нам чета, считают

за честь знакомство с ним. М.Н. Ботвинник умер в 1994 г. Спустя три года вышел сборник, посвященный его памяти. Там есть и воспоминания моей одноклассницы, Б.А. Зарайской, с которой в январе 2008 г. мы вместе были в этом доме, в гостях у дочери Марка Наумовича, Натальи Марковны. Она унаследовала профессию своего отца: преподавала древние языки в университете и в классической гимназии. Как и отец, она была человеком талантливым, ярким, открытым, готовым помочь любому. Такой же была ее мать, Ирина Павловна. Сколько разных, порой совсем посторонних, чужих, буквально „с улицы“, людей, подолгу, иногда годами, жили в их квартире. Одни становились друзьями, а некоторые вдруг исчезали, унося что-нибудь с собой. И как легко и весело, как о забавных происшествиях, случившихся где-то и с кем-то, Наталья Марковна вспоминала об этом. Слушая замечательные рассказы этой обаятельной, полной жизни женщины, невозможно было представить, что она тяжело больна и что жить ей осталось недолго. Наталья Марковна умерла в мае 2008 г.»¹⁸¹.

Мы воспроизвели здесь всего несколько историй, связанных с обитателями этого дома в «советский» его период, а сколько еще подобных историй можно было бы рассказать о других жильцах, напиши они свои воспоминания.

В этом доме сейчас располагается Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга, Общественная приемная депутата Законодательного Собрания М.Д. Щербаковой.

Много лет первый этаж дома занимал пивной бар «The Telegraph». Удивительно, как причудливо порой соединяются в истории дома его традиции. Известно, что в 1930-е гг. в этом доме располагалась пивная № 36 1-го промкомбината «Красная Бавария»¹⁸², а теперь находится лаундж-бар «Monkey Bar».

Дом № 5

Пятиэтажный, с фасадом цвета беж со сплошной рустовой второго и частично межоконной отделкой рустом трех других этажей, с характерными для поздней эклектики эркерами на уровне второго этажа и с большими арочными окнами третьего этажа, балконами, акцентирующими углы здания, и тремя аттиками, венчающими крупный карниз, – типичный образец доходного дома. Его первый этаж, изначально предназначенный для торговли, имеет большие окна-витрины. Входная арка ведет во двор, по всему периметру застроенный жилыми флигелями.

Этот дом возведен для герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого в 1896–1897 гг. по проекту профессора Николаевской Инженерной академии В.П. Стаценко (1860–1918)¹⁸³. Но история участка, на котором стоит дом, значительно старше. Она подробно рассмотрена в книге Г.А. Поповой «Дом графини Карловой» и очерке В.Б. и М.Я. Айзенштадтов «В особняке графини Карловой»¹⁸⁴. Мы же ограничимся крат-

ким изложением этой истории, но прежде отметим, что история доходного дома № 5 на Троицкой улице неразрывно связана с историей самого особняка.

Дом № 5. Фото авторов, 2021 г.

Первым владельцем участка на левом берегу Фонтанки за Невской перспективой возле Троицкого подворья в 1730-е гг. стал гофинтендант императрицы Анны Иоанновны Антон Кормедон. Авантюрист, бывший парикмахер, поставлен Минихом на эту должность, а позже возглавил и Канцелярию от строений. Именно он построил на этом участке двухэтаж-

ный деревянный дом на каменном фундаменте с цокольным этажом. Однако вскоре усадьба Кормедона, «взятая в казну по начету», т. е. попросту отобранная за долги, «выпрощена» Густавом Бироном, братом всесильного тогда временщика герцога Эрнеста Иоганна Бирона. После смерти Анны Иоанновны в 1740 г. и дворцового переворота братьев арестовали, усадьбу конфисковали, а уже через год, в результате очередного переворота, на российский престол взошла Елизавета Петровна. Она одарила многих своих сторонников, а эту усадьбу пожаловала своему духовнику Федору Яковлевичу Дубянскому¹⁸⁵.

В известной книге М. Пыляева «Старый Петербург» о Федоре Яковлевиче Дубянском сказано, что он священник «украинской вотчины цесаревны Елизаветы, села Понорницы. Черниговской губернии, Новгород-Северского уезда, некогда отобранного у Шафирова» и был «при дворце в большой силе; придворные считали его недалеким простачком, которого никто не боялся, но на самом деле это был ловкий и умный царедворец; по его представлениям совершались все перемены в составе духовенства, а также объявлялись разные распоряжения по церковному ведомству. По преданию, Дубянский жил очень открыто на своей даче; в записках современника встречаются следующие заметки: «Бывали у отца духовного Дубянского... бокалов по десяти венгерского выпивали...» Дача, о которой говорит М. Пыляев, это и есть бывшая усадьба Бирона¹⁸⁶.

«Федор Яковлевич Дубянский, – говорится в „Русском биографическом словаре“ Половцова, – отличался редкой для своего времени ученостью среди белого духовенства... был очень близок императрице Елизавете Петровне, имел значение при дворе Екатерины II»¹⁸⁷.

Указом императрицы Елизаветы Петровны в 1761 г. протоиерей Федор Дубянский возведен в потомственное дворянство. Сыновья его служили в гвардии. Яков Федорович был майором и к тому же Великим магистром масонской ложи «Астерия». Его дети не оставили потомства. Два других сына протоиерея – Михаил и Захар – принимали активное участие в перевороте 1762 г., в результате которого на российский престол взошла Екатерина II. Активный участник июньских событий 1762 г., Захар Федорович умер через три года холостым в чине капитан-поручика лейб-гвардии Преображенского полка.

Михаил Федорович, старший сын протоиерея, стал при Екатерине II унтер-шталмейстером и егермейстером Двора. Сын же егермейстера, Федор Михайлович Дубянский, был популярным композитором, автором известных песен, среди них – романс «Стонет сизый голубочек» на стихи И.И. Дмитриева. Сестра Федора Михайловича, фрейлина императрицы Екатерины II Варвара Михайловна Дубянская, вышла замуж еще при жизни старшего брата. 17 февраля 1790 г. в большой придворной церкви Зимнего дворца, в присутствии цесаревича Павла Петровича и великой княгини Ма-

рии Федоровны, состоялось ее бракосочетание с представителем старинного и знатного рода камергером Василием Николаевичем Зиновьевым. Через 53 года вся усадьба на Фонтанке, 46, перейдет по наследству от Александра Михайловича, последнего и бездетного брата Варвары Михайловны, к ее сыну Николаю Зиновьеву¹⁸⁸. В «Атласе тринадцати частей...» владельцем двух участков на набережной Фонтанки значится генерал-майор Н.В. Зиновьев¹⁸⁹.

Николай Васильевич Зиновьев не оставил потомства и по завещанию в 1882 г. передал дом своему племяннику, хранителю семейного архива Зиновьевых, Степану Степановичу, который опубликовал ценнейшие документы прошедшей эпохи¹⁹⁰.

Но дом принадлежал ему недолго. В «Табели домов города Санкт-Петербурга...» за 1889 г. он уже числится за Кабинетом Е.И.В¹⁹¹. Из адресной книги «Весь Петербург» за 1894 г. нам удалось установить имена тех, кто в это время проживал здесь в старом деревянном доме.

Их совсем немного. Это чиновники, контролеры Министерства Императорского двора – статский советник Н.А. Андриевский и титулярный советник М.П. Оберемченко¹⁹², преподаватель Александровского Лицея К.И. Пестич¹⁹³, штабс-капитан П.А. Ерехович и В.И. Колосов, мастер чугунного литья¹⁹⁴.

В июле 1895 г. к барону В.Б. Фредериксу, министру Импе-

раторского двора, обращается герцог Г.Г. Мекленбург-Стрелицкий с официальным письмом о своем желании купить дом на Фонтанке, 46¹⁹⁵.

Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий – внук великого князя Михаила Павловича и знаменитой Елены Павловны. Он родился и вырос в Михайловском дворце. В завещании его матери написано: «Советую детям, чтобы средняя часть Михайловского дворца была отдана с разрешения императора под помещения какого-либо полезного для науки и искусства учреждения, например. Национального музея»¹⁹⁶. При Николае II дворец выкупили у наследников для устройства в нем Музея Александра III. Мекленбург-Стрелицкие должны были подобрать себе подходящее здание. Им и оказался этот старинный особняк на Фонтанке, в то время уже принадлежавший Министерству Императорского двора.

Этому предшествовала романтическая история женитьбы Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого на фрейлине матери, Наталье Федоровне Ванлярской, – событие, которое определило судьбу интересующего нас дома вплоть до сегодняшнего дня. Этот брак, по понятиям того времени, был мезальянсом, и великая княгиня Екатерина Михайловна, женщина властная и консервативная, категорически воспротивилась ему. Она отстранила девушку от фрейлинской службы, и та поселилась с отцом в доме № 20 по Фурштатской¹⁹⁷.

Кроме согласия матери (отец к тому времени умер), Георгий должен был получить и согласие великого герцога Мекленбург-Стрелицкого, т. к. являлся одним из наследников на его престол. К нему-то он и направился с твердым намерением ради достижения своей цели отказаться от престолонаследия.

В середине января 1890 г. из Германии было получено официальное свидетельство, что владетельный герцог Мекленбург-Стрелицкий Фридрих-Вильгельм разрешает брак герцога Георгия с Ванлярской Натальей Федоровной и предоставляет ей титул графини. Великая княгиня Екатерина Михайловна, понимая, что изменить уже ничего не сможет, уступает и передает ей полученное от матери имение Карловка Полтавской губернии. Так Н.Ф. Ванлярская становится графиней Карловой...¹⁹⁸ О жизни новых владельцев особняка на набережной Фонтанки, 46, об осуществленной ими перестройке здания, о проходивших в Доме Карловой музыкальных вечерах, о созданном герцогом Мекленбург-Стрелицким знаменитом Мекленбургском квартете и о его богатейшей библиотеке любознательный читатель сможет узнать из перечисленных книг.

Наша же задача – рассказать о дальнейшей судьбе дома на Троицкой улице при новом владельце. Как отмечает автор книги «Дом Карловой», вместе с музыкальной герцог развернул на своем участке бурную хозяйственную деятельность. Во дворе особняка появились дровяные сараи, лед-

ник, конюшня. Позже Георгий Георгиевич приобретает автомобиль, для чего устраивает гараж, имелась прачечная. В 1896 г. Георгий Георгиевич торжественно закладывает доходный дом на Троицкой улице, о котором мы ведем наш рассказ. В день закладки он заказывает молебен, дарит всем рабочим по красной рубахе и чарке водки, как положено при начале нового дела, и в два строительных сезона возводят дом под крышу. Он отличался всеми техническими нововведениями: электричеством, телефонизацией, подъемной машиной. Квартиры, сдававшиеся внаем, отличались удобством и роскошью – для богатых жильцов, среди которых были военные, юристы, министерские служащие, а также чистотой и ухоженностью – для мещан. За порядком в доме и на лестницах следили два швейцара с оплатой 55 рублей в месяц и 5 дворников – с 50 рублями¹⁹⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.